

100
1921·2021
ДАССР

5/2021

Женщина Дагестана

ISSN 0132-9634

КРАСНАЯ ГОРЯНКА

№1

Издание Дагкенотдела 19 февраля

Обложка первого женского журнала в Дагестане "Красная Горянка", № 1, 1922 г.

СЛОВО РЕДАКТОРА

«У сердца женского есть сила мир творить»

Очередной номер журнала мы посвящаем знаменательной дате – 100-летию объявления автономии Дагестана. В нем мы публикуем материалы о знаменитых дагестанках.

Героини труда, учителя, врачи, ученые, актрисы, летчицы – живые, настоящие, с черными косами и светлыми кудрями, хохотушки и молчаньи, – они были первыми! Они делали то, что никто и никогда до них не делал, – у них были на это сила духа и сила веры. Веры в прекрасное, светлое будущее, которое непременно наступит.

У нас в республике очень много достойных женщин, которые также заслуживают самых высоких званий и народного признания, но в пределах одного выпуска невозможно рассказать обо всех. Мы выбрали по одной представительнице каждой народности, поэтому не обижайтесь на нас, если не найдете всех тех, кто живет в вашей памяти и в вашем сердце.

Наш традиционный «Журнал в журнале» в этом выпуске

посвящен литературе и искусству. Здесь гордость и слава многонациональной самобытной дагестанской литературы – женщины-поэты, писатели и драматурги, художницы.

В замысле – это гимн Женщине Дагестана, гимн ее мужеству, стойкости, красоте, верности и мудрости!

«Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце. Истинно, когда злоба измельчает решение разума, только сердце находит спасительные исходы...

Не похвалу женщинам говорим. Не похала то, что наполняет жизнь человечества от колыбели до отдыха...», – Николай Перих. Письмо «Женскому сердцу».

Наида КЕРИМОВА

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА 2

Когда семья приехала на Новый год в Москву к родственникам Самчевским, Алла побывала в Большом театре на «Щелкунчике», и сразу же родилась заветная мечта девочки: танцевать на сцене этого Храма искусств, где порхают изящные, легкие как перышки танцовщицы. Тем более что природные данные девочки были прекрасными.

МИР ГЮЛЬБООР 6

Траур Гюльбоор не сняла уже никогда, но такая в ней была сила созидания, столько ешё могли сделать её руки, что нельзя было ей уходить, никак нельзя! Стоя у края колхозного виноградника, пришедшего в запустение за годы войны, Гюльбоор понимала: ради этих полей, людей, что на них работают, ради них она должна жить!

ДАГЕСТАНСКАЯ СЮИТА ДЖЕННЕТ ДАЛГАТ 12

В сложные годы гражданской войны Дженнет выходит замуж, в 1920 году рождается сын Джемалэтдин. Но семейная жизнь не удалась, и молодая женщина решает продолжить музыкальное образование. Она обращается к наркому просвещения Дагестана Алибеку Тахо-Годи с просьбой направить ее на учебу в Германию, и в 1925 году вместе с пятилетним сыном она едет в Лейпциг.

ТАТУ БУЛАЧ 20

Вскоре Тату ушла из гимназии. Случилось это в ту пору, когда девушка сблизилась с Уллубием Буйнакским. Существуют письма, адресованные революционером Тату. Они пронизаны идеями коммунизма. Уллубий предлагает ей: «Вы должны делать ту же работу, что и мы, а начните ну хоть сагитационной! Будьте нашей агитаторшей-горянкой... Смелость и еще раз смелость».

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Балерина Алла Джалилова (1908–1992) – единственная представительница дагестанских народов в труппе знаменитого Большого театра, одного из самых старых и прославленных театров оперы и балета в мире. Ее судьба – это история самоотверженного служения искусству, трудного восхождения к вершинам балетного мастерства.

Алла была единственным и долгожданным ребенком в семье Абдулгая Джалилова, выходца из дагестанского села Ахты, и Софии Самчевской, представительницы интеллигентной дворянской семьи польского происхождения, находившейся в дальнем родстве с Львом Толстым.

Познакомились Софья и Гай, как называли Абдулгая друзья, в Ставропольской гимназии, где учились многие талантливые дагестанские мальчики. Потом их романтические отношения продолжились уже в Москве, где Гай учился на юридическом факультете Московского университета и куда позже приехала и Софья учиться на стоматолога.

После университета молодые супруги Абдулгай и Софья поехали работать в многонациональный и многострадальный город Карс, за который всегда спорили и не раз воевали Россия и Турция. Джалиловы жили в родовом доме дедушки Софии в Карсе. Семью поддерживали родственники Софии в Тбилиси, именно здесь и родилась Аллочка.

Девочка унаследовала от отца генетически свойственные многим горцам стройность, пластичность, грациозность, музыкальность. Гай играл на многих музыкальных инструментах, и под папины мелодии Аллочка с детства любила плясать, и особенно ей удавалась, конечно, лезгинка.

Когда семья приехала на Новый год в Москву к родственникам Самчевским, Алла побывала в Большом театре на «Щелкунчике», и сразу же родилась заветная мечта девочки: танцевать на сцене этого Храма искусств, где порхают изящные, легкие как перышки танцовщицы. Тем более что природные данные девочки были прекрасными.

Вихрь исторических событий нарушил размеренную, стабильную жизнь семьи и определил дальнейшую судьбу Джалиловых. Российская империя перестала существовать. В 1920 году, накануне окончательного перехода Карса к Турции, семья вернулась в Москву. Сложилось так, что скоро Абдулгай уехал в Дагестан, где остались болеющая мама, брат, а Софья Николаевна ради будущего дочери считала необходимым быть в Москве. Так обстоятельства постепенно развели жизненные пути родителей Аллы. Но отец приезжал, поддерживал связь с дочкой, привозил гостинцы – ахтынские яблоки, урбеч, сухофрукты...

12-летняя Алла в 1920 году поступила в балетную школу при Большом театре, потом – в хореографическое училище. Выбирая специализацию, Алла с ее выразительной восточной внешностью и южным темпераментом выбрала не классику, а народный, характерный танец. Благодаря дисциплине и самоутверженному труду она изо дня в день совершенствовала свой природный талант. Ее наставниками были выдающиеся хореографы А. Горский, О. Некрасова, В. Тихомиров. Они так отточили ее мастерство, что

совсем недолго проработав артисткой кордебалета, Алла быстро стала солисткой театра, ей поручали ведущие роли.

В 1927 году Алла успешно дебютировала на сцене Большого в опере Антона Рубинштейна «Демон» в партии Тамары. Даже «печальный Демон, дух изгнанья», воплощение зла, влюбляется в прекрасную грузинку, увидев, как ладно она танцует лезгинку на кровле своего дома:

*То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка...*

Эта роль стала любимой партией Аллы. Кроме лезгинки в «Демоне», она впоследствии исполняла индийский танец в опере Делиба «Лакме», партии в опере Бизе «Кармен», в балетах Асафьева «Бахчисарайский фонтан», Минкуса «Дон Кихот», «Лебединое озеро» Чайковского, роль Айи в «Баядерке», танцовщицы со змеей в «Золушке», Цаги в сцене половецких плясок в «Князе Игоре» Бородина и др.

Иногда в перерывах между выступлениями Алла ездила в гости к тете Лидии в Ленинград и однажды в Эрмитаже познакомилась со своим «принцем» – летчиком из Липецка Сергеем Костельским. Это была любовь с первого взгляда. Уже через несколько дней Сергей сделал Алле предложение, и с благословения мамы она вышла замуж. Сыграли скромную свадьбу.

Долгие расставания из-за работы Сергея, радость встреч, премьеры, гастроли – в таких житейских треволнениях прошли несколько лет, полных надежд и успехов. Окрылившая ее мечта о радости материнства трагически оборвалась из-за несчастного случая, когда, зажатая дверью троллейбуса, она получила травмы и в результате потеряла ребенка.

А вскоре новый водоворот истории перевернул всю жизнь Аллы, как и судьбы миллионов людей на планете. Сергей ушел на фронт и погиб. Артистов Большого театра эвакуировали в Куйбышев. В составе фронтовых бригад Алла участвовала в сотнях концертов перед бойцами Советской армии, перед ранеными в госпиталях, морально поддерживая солдат все эти долгие и страшные военные годы.

День победы она встречала уже в Москве. В театре Аллу нашел ее давний почитатель – почти тезка ее погибшего Сергея – Сергей Иванович Косторин, профессор, ученый секретарь Президиума Академии наук СССР. Он покорил ее сердце своей рыцарской преданной любовью, бесценными человеческими

качествами, и Алла вышла за него, обрела семейное счастье и опору.

В послевоенные годы Алла Джалилова продолжала танцевать в театре, объездила с гастролями всю страну вдоль и поперек. Теперь она стала часто приезжать и в Дагестан, с супругом или одна, наладила связи с родственниками, нашла племянников, своих сводных брата и сестру – Баки и Айшу, родившихся во втором браке Абдулгая Джалилова. Подолгу гостила она в Ахтах, в Рутульском и Докузпаринском районах, в селе Ихрек. Тут она отдыхала от суеты большого города, подпитывалась энергией для будущих творческих побед.

А ее муж Сергей Иванович, став «дагестанским зятем», сотрудничал с местными учеными, и при его активном содействии дагестанская база Академии наук была преобразована в филиал Академии наук СССР.

И сама Алла, в свою очередь, охотно встречала гостей с Кавказа в своей московской квартире в «театральном» доме в Каретном ряду. Она была человеком открытым, приветливым, радушным, тёплым, и гостям всегда было уютно в ее доме. Учившиеся в Москве и Ленинграде студенты из большого рода Джалиловых всегда навещали ее, помогали, опекали, ведь хрупкая Алла была такой непрактичной в житейских делах. В их числе был племянник Аллы – впоследствии ректор ДГТУ Тагир Исмаилов.

Алла Джалилова приехала в Дагестан с концертами в дни празднования 30-летия образования республики в 1951 году, получила на малой родине звание заслуженной артистки ДАССР, в том же году она стала кавалером ордена «Знак Почета».

После того как ушла с большой сцены, Алла Джалилова уже полностью отдалась педагогической работе, которой занималась еще с 1933 года. Много лет она работала в балетной школе Большого театра, преподавала «характерный танец» в театральном училище имени Б. Щукина до 1974 года. Она подготовила на высоком уровне группу казахских танцовщиков, составивших основу Алма-Атинского театра оперы и балета, несколько групп дагестанской артистической молодежи. Она учила танцевать таких известных артистов, как Константин Райкин, Александр Калягин и др.

Алла всю жизнь дружила с другой уникальной в своем роде дагестанкой – актрисой немого кино Сафият Аскаровой из знаменитой ахтынской семьи Аскаровых, в которой вырос и известный скульптор Х. Аскар-Сарыджа.

Алла Джалилова планировала сотрудничество с дагестанскими деятелями искусств, с композитором Сергеем Агабабовым, мечтала об открытии балетной школы в Махачкале... Не все планы удалось осуществить. Но театр оперы и балета в Дагестане появился, правда, уже после смерти балерины.

В последние годы жизни, когда ушли из жизни муж Сергей Иванович, подруга Сафият, многие родственники по матери, когда стало подводить здоровье, Аллу очень поддержали родственники по отцу – дагестанцы, навещали, помогали решать бытовые проблемы, дежурили по очереди, достойно проводили в последний путь.

Алла Абдулгаевна умерла в 1992 году и похоронена на мусульманском кладбище в Домодедове.

Имя Аллы Джалиловой навсегда золотыми буквами вписано в историю русского балета, в историю Большого театра. Дагестанцы безмерно гордились и гордятся своей землячкой, достигшей таких высот в искусстве балета. Память о ней бережно хранится в республике. Имя Аллы Джалиловой носит Детская школа искусств № 8 в Махачкале, музыкальная школа в селе Ахты. К юбилейным датам выходят статьи, публикуются воспоминания родственников; к 100-летию выдающейся землячки была издана книга Саиды Муртузалиевой – художественно-публицистическая повесть об Алле Джалиловой, ее семье, яркой жизни, ее «душой исполненном полёте» на сцене Большого театра.

Гульнара АСАДУЛАЕВА

Сафият Аскарова – первая актриса-дагестанка, звезда немого кино

МИР ГЮЛЬБООР

Гюльбоор Шауловна Давыдова – (1892–1983) – советский виноградарь, звеньевая колхоза имени Кагановича. За неустанный труд в тылу она была награждена медалью «За оборону Кавказа». Звание Героя Социалистического Труда получила в 1949 г.

Начав готовить материал о Гюльбоор Давыдовой, перечитав все публикации о её жизни, трудовых и общественных подвигах, ловила себя на мысли – откуда брались силы? Что помогало переносить те немыслимые трудности, вставать и идти дальше?

Какой она была, Гюльбоор Давыдова? Что любила носить? Как встречала гостей? Как смеялась, как плакала? Я понимала, что вряд ли кто-то из её ровесников остался в живых, но повезло – живы ещё люди, лично знавшие Гюльбоор и готовые рассказать о её неутомимом духе, светлой, широкой душе, умении стать рядом, плечом к плечу в горе и в радости...

Ещё в далёком 1973 году семейная чета дербентцев Новаховых, Лазаря и Раи, сидела буквально на чемоданах. Они распродали свои пожитки и ожидали выезда на историческую родину, в Израиль. Вдруг тетя Лазаря, Гюльбоор Шауловна, пришла к ним с просьбой: «Лазарь, Рая.... Я понимаю, что не могу вас заставить остаться здесь, но очень прошу – не оставляйте меня здесь одну. Уезжать отсюда не могу – здесь все мои родные похоронены, да и мне уже немного осталось на этом свете жить. Вы

мне родные люди, вот похороните меня и поезжайте с Богом».

И остались Новаховы в старом добром городе со своей легендарной тетей. Спустя 10 лет, в 1983 году, умерла и она... Позже и любимый муж Раи, Лазарь, умер... Сегодня Раи Новахова – практически единственный источник ярких, колоритных воспоминаний, и нам посчастливилось съобрать их и рассказать вам, дорогие читатели.

Гюльбоор родилась в большой семье горских евреев – пять сыновей и пять дочерей было в доме. Земля в Хошмензиле благодатная, все работали в поле, с детства были приучены к труду, а чувство локтя с первых дней жизни было частью существования – поодинокочке крестьяне не могли ни поле вспахать, ни сад собрать, ни огород вырастить.

Гюльбоор была младшей. Может, ей досталось чуточку больше внимания от родителей и старших братьев и сестёр, но это совсем её не испортило – она объясняла своей тряпичной кукле, что пока не может заплести ей косичку, потому что надо телёнка напоить или цыплят накормить. Все домашние замечали, что девочка растёт с обострённым чувством

справедливости и ответственности, и переживали – трудно придётся в жизни с такими качествами. Бабушка Сара молилась: «Господин наш Яхве, пожалей девочку, не дай ей испытаний по духу». Но если Бог даёт человеку дух, испытания ему предстоят неизбежно...

Выросла Гюльбоор в стройную, черноглазую красавицу, замуж вышла рано, ещё 16 лет не было. Муж достался добрый и работящий, и в семье невестку приняли хорошо – теплая, улыбчивая, чистюля-хлопотунья, лучшей невестки и не пожелаешь. Родились дети – сыновья Давид, Рувин и дочка Либо. Жила семья небогато, но и не бедствовали, мастеровые руки всегда прокормят. Но со свержением царской власти всё враз изменилось – пришли тяжёлые годы, когда вокруг одна власть сменяла другую, в Дербенте шли бои, не работали рынки, магазины, аптеки, больницы были переполнены ранеными солдатами. Смутные были времена...

...Муж Давид тяжело заболел и умер. Осталась Гюльбоор одна с тремя детьми. Вокруг революция, голод, хаос и безвластие. А ей всего 23 года. Настали для молодой женщины бесконечные вдовьи дни, когда вся тяжесть жизни обрушивается

на хрупкие плечи, и нет спины, и нет плеча, на которое можно опереться. Даже плакать Гюльбоор себе не позволяла – сыновья должны знать сильную, мужественную маму, тогда они не вырастут слюнями и бездельниками.

Изо дня в день изнурительная работа – и батрачить приходилось, и на чужих полях работать, но ни слова жалобы не слышал никто от Гюльбоор, ни слезинки от жалости к себе не проронила...

Слушая бабушку Раю, все время ловишь себя на мысли – молох вре-

У Гюльбоор было особенное отношение к правильности и справедливости происходящего вокруг – она не вступала в борьбу с миром, она начинала строить свой, собственный, правильный и справедливый. В селе было 14 вдов-батрачек, собрала их всех в артель, назвала её «Красный партизан» и начала работать. Женщины взяли «под обработку» заброшенные поля, посадили виноградники, засадили огороды – и все это с песнями, с шутками, со смехом и неукротимой верой в

агрономии. И это притом, что ни у одной из них не было специального образования, лишь желание хорошо работать, жизненный опыт и простое крестьянское чутье. Они добились таких результатов, что их вынуждены были принять в колхоз. Женская бригада же продолжала удивлять всех своими урожаями.

Время шло, дети Гюльбоор росли; старший сын Рувин, красавец, мамина гордость и опора, окончил педучилище, стал учителем в школе. Младший, Давид, после семилетки пошёл в подмастерья к сапожнику и первую пару вручную сделанных изящных модельных туфелек подарил маме. Гюльбоор примерила туфельки, накинула на плечи шёлковый платок с кистями, подаренный мужем... Дети загляделись на маму: они вдруг увидели, какая она у них красавица. Статная, с открытым лицом и теплой улыбкой, ясными глазами и густыми черными косами – недаром сваты обивали их порог много лет и просили её руки у повзрослевших сыновей. Но Гюльбоор единожды и навсегда для себя решила: –«Только дети будут в её жизни! Дети и работа в колхозе», – поправила сама себя Гюльбоор и вновь принялась за работу.

Она вспоминала довоенные годы со светлой грустью – было много работы, но и радостей было много! Дети вдов подрастили, женились, играли свадьбы, рождались дети – чем не радость! Радовали урожаями сады и виноградники, колхоз богател. Виноградарство было традиционным для этих мест – много солнца, теплые зимы. А труд крестьян способствовал сохранению известных сортов и созданию новых.

В 40-м году старшего сына, Рувина, призвали в армию. Гюльбоор уже присматривалась к молодым девушкам – какая из них невесткой войдёт в их дом? Мирная жизнь, счастливые надежды...

Ничему не суждено было сбыться – война пришла на нашу землю. Рувина забрали сразу, со срочной службы. Давид ушёл на фронт в 42-м...

мени и событий словно выкристаллизовал, выявил в людях главное, и с этим главным они строили новую жизнь, новую страну, новый мир... Не хочется говорить шаблонными фразами, но здесь по-другому не скажешь – такие, как Гюльбоор, есть соль земли, на них держатся страны и народы, на них держится мир.

Вот представьте себе: 1928 год, Республика только становится на ноги, создаются колхозы, в каждом селе обучают грамоте и объясняют, что народ теперь – хозяин своей земли, и работать нужно сообща, и урожай с полей тоже принадлежит всему колхозу. Молодая вдова просит принять её в бригаду – в доме нет взрослых мужчин, а детей надо кормить, одевать, учить. Но домостроевые стереотипы ещё действуют – женщин в колхоз не принимают.

счастливое, светлое, благодатное будущее. Женская артель, созданная спонтанно и вопреки колхозному руководству, стала вдруг выдавать рекордные урожаи! Покойная бабушка Сара учила Гюльбоор: люби свое дело, и оно полюбит тебя в ответ! Люби тесто – оно станет вкусным хлебом, люби нить – она станет добротным полотном, люби виноградную лозу – на ней созреют солнечные грозди.

«Без любви нет жизни», – приговаривала мудрая Сара под монотонное жужжание деревянного веретена, и малышка Гюльбоор запомнила эту мудрость навсегда. Всем артельным вдовам-батрачкам она подавала пример трудолюбия, стойкости и любви – землю, выделенную колхозом артели, можно было показывать как пособие по

Никакая работа не была страшна нашим женщинам, никакие трудности. Лишь почтальонок боялись все – вдруг похоронка? И в 43-м она пришла: «Ваш сын Рувин храбро воевал и погиб, защищая свое Отечество». Горю Гюльбоор не было предела, но оставалась надежда, что Давид вернётся с фронта живым и с победой.

1945 год. Победа близка... Но почтальонка, скорбно сжав губы, еле сдерживая слёзы, положила на стол похоронку: «Ваш сын Давид героически погиб, защищая свою Родину»... Не стало больше сыновей у матери и братьев у сестры. От горя и боли слегла дочка и уже не встала. Никого не осталось у Гюльбоор. Пусть доля такая минует любого! Кто терял близких, поймет – ещё шаг, и безутешную мать поглотит омут скорби, и не будет ей дороги назад, в жизнь.

«Зачем мне жить, если рядом нет моих сыновей?» – спрашивала она себя в отчаянии и не знала ответа. За несколько дней черные косы стали белыми, яркие глаза потускнели, глубокие морщины легли на лицо.

Траур Гюльбоор не сняла уже никогда, но такая в ней была сила созидания, столько ещё могли сделать её руки, что нельзя было ей уходить, никак нельзя! Стоя у края колхозного виноградника, пришедшего в запустение за годы войны, Гюльбоор понимала: ради этих полей, людей, что на них работают, ради них она должна жить!

Чтобы возродить сорта, нужно много времени и сил, и это стало жизненной установкой для Гюльбоор. Ездила на ВДНХ, в командировки в Крым, Краснодар, собирала по крупицам селекционный материал, опытизания виноградарей других областей и с успехом применяла их у себя в колхозе. За высочайшие достижения в труде правительство страны в 1949 году наградило труженицу званием Героя Социалистического труда. Гюльбоор возродила практически утерянные традиционные для этих мест сорта «Хайтаги», «Нэрмэ», «Гюляби».

Можно много рассказывать и о её общественных достижениях – Давыдова двадцать лет подряд избиралась депутатом Президиума Верховного Совета Дагестана, депутатом местного Совета народных депутатов, была участницей многих всесоюзных сельхозвыставок. Имя Г. Давыдовой стало самым известным из имен Героев Социалистического Труда, она является единственной женщиной – горской еврейкой, удостоенной этого звания.

Колхоз, где она работала, переименован в ее честь, сейчас это агрофирма имени Гюльбоор Давыдовой; одна из улиц Дербента также названа улицей Г. Давыдовой; известный татский писатель, народный писатель Дагестана Хизгил Авшалумов посвятил ей, великой женщине-труженице, поэму «Гюльбоор».

Тетя Рая рассказала, какой отзывчивой была Гюльбоор.

– Она была председателем колхозного женсовета, и не было такой проблемы у сельских женщин, которую не помогла бы решить Гюльбоор. Любые двери открывала, к любым чиновникам заходила уверенно – раз людям нужно помочь, ей не откажут. Отправить детей учиться в техникумы и вузы – приветствуем! Помочь с обустройством и жильем – это наш долг! Помочь женить детей – с радостью! А если беда пришла в дом – Гюльбоор рядом...

Дербентские евреи до сих пор вспоминают траурные песни-плачи Гюльбоор, из этих плачей можно было узнать о человеке столько хорошего, и каждый задумывался – а что я оставлю после себя? – продолжает тетя Рая. – Голос у Гюльбоор был сильный и красивый и не только плачем славился. И на свадьбах она пела, и легко, красиво танцевала, и радоваться могла от души, и заливаться счастливым смехом. Модница тоже была – хоть и в трауре, но все красивое, обувь добротная, шали роскошные с шёлковыми кистями, любила костяные гребни для волос...

Подругой была хорошей, наши заботы и проблемы считала своими и на помощь спешила в любое время, хоть ночью. Хлебосольная, гостей любила, готовила легко, быстро и вкусно, – голос Раи Новаховой затих, нахлынули воспоминания о молодости, о любимом муже Лазаре и о знаменитой Гюльбоор, и слёзы навернулись на ее глаза. – Ты, дочка, напиши обязательно, что таких женщин, как наша Гюльбоор, уже нет. Разные есть – умные, красивые, трудолюбивые, достойные, но чтобы все вместе в одном человеке – нет таких! Мы все её любили и берегли, а когда она в 1983 году умерла, муж мой Лазарь, пусть Яхве одарит его Раем, надгробие аж из Житомира с огромным трудом вёз. По её завещанию написали на камне: «Матери, не дождавшейся с войны своих сыновей». И ни слова, что она герой труда, что она депутат... Вот такая она была, наша Гюльбоор.

Сулгият БУЛГАЕВА

Фазу Гамзатовна Алиева (1932 – 2016) – народный поэт Дагестана, прозаик и публицист. Автор более 80 книг стихов и прозы. Работала главным редактором журнала «Женщина Дагестана», председателем Союза женщин Дагестана. Стихи семнадцатилетней Фазу впервые были опубликованы в газете «Большевик гор» в 1949 году, позже – в газете «Комсомолец Дагестана» и журнале на аварском языке «Дружба». Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почета», орденом «За заслуги перед Республикой Дагестан». Первая женщина – кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Фазу АЛИЕВА

«ОТДАЙ МОЮ МАМУ!»

Две ночи мамы нет дома. Она дежурит в больнице – поступила большая партия раненых.

А я сегодня проснулась раньше всех, даже раньше бабушки. Лежу и вглядываюсь в оконное стекло, покрытое толстым слоем льда. Если высунуться из-под одеяла, то обожжет холод, поэтому я лежу не шевелясь, пытаюсь разобрать узор на окне. Пожалуй, это рассвирепевший медведь поднялся на задние лапы.

Эти два дня соседи у нас. Кто принес дрова, кто кизяк, кто что-то из еды.

– Когда приходят люди, в доме становится теплее от их дыхания, – говорит бабушка. – Тучи давят на землю, а на сердце давят горестные мысли. Как природа радуется светлым дням, так душа – теплому слову.

Итак, сегодня я проснулась раньше всех. Когда поднялась бабушка, я уверена, она не подозревала, что кто-то в доме тоже не спит. Но, кроме меня, бодрствует и Нуцалай; она притворяется, боится, что ее попросят

сделать какую-нибудь работу. Нуцалай молчит, когда ее окликают, она и меня научила этому.

– Небо не может хранить благодать, так хоть ты, земля, сохрани ее. Без влаги корням трудно весной... – бурчит себе под нос бабушка, приседая перед очагом.

Платье бабушки топорщится слева, где карман. Я всегда мечтаю узнать, что в нем лежит. Однако легче взять голыми руками неприступную крепость, чем узнать, что лежит в кармане моей бабушки. Чего там только не было! Например, придет в дом соседка, спросит: «Нет ли у вас ниток?» А бабушка тут же откликается: «Каких тебе, какого цвета?» И в бездонный карман проскальзывает высохшая бабушкина рука. Раздается шум, будто ворошат горох, и бабушка безошибочно вытаскивает нитки нужного цвета. Отмотав их на сложенную бумагу, она протягивает соседке. «Дай Аллах, чтобы эта нитка принесла тебе счастье!» – обрадованно частит та. Еще бы! В войну нитки были

большой ценностью. Нужен кусок мыла, кишмиш, курага? Пожалуйста, все извлекалось из этого кармана. Там же бабушка хранила и письма-треугольники от сына. Всего их было одиннадцать. Больше не пришло. Бабушка аккуратно сложила письма и завернула в серебристую бумагу, в такую до войны заворачивали чай. Среди писем, для верности стянутых резинкой, была и фотография бабушкиного сына с друзьями. После короткой стычки между бабушкой и мамой фотографию приклеили возле зеркала...

...Потихоньку разгребая золу, бабушка нашла тлеющие угольки, посыпала их соломой, и над очагом взвились струйки белого дыма. Мое сердце, будто согреввшись от этих языков огня, забилось ровнее, и по всему телу разлилось тепло. Мне казалось, что свирепый медведь на стекле теперь пустился в пляс. Под изображением зверя я разглядела силуэт мужчины с винтовкой в руках. Он гнался за кем-то с длинным носом. «Гитлер!» – решила я. И в мозгу моем возникла картина: отец убивает Гитлера. О нем говорит радио, его фотографиями пестрят газеты. Отовсюду несутся радостные возгласы: «Война кончилась! Война кончилась!»

Соседка Субайбат, которая ночевала у нас, встала, резко рванув на себя одеяло.

– Вабабай, Патимат, что ж ты нас не разбудила? Долго мы спали? – спрашивала она, пытаясь разглядеть смявшееся за ночь платье, поплевав на ладони.

– Не хотела будить вас, пока очаг не растоплю, – ответила бабушка.

– Погода не уgomонилась?

– И не говори, такая напасть! Свирипствует! Не разобрать, где небо, а где земля.

– Патимат, мне приснился хороший сон. Может, это добрый знак?..

– Да услышит Аллах твои слова! Рассказывай.

– Вижу я, сестра, огромный луг, взглядом не охватить. Красиво, как в раю. Птички поют, кузнецики стрекочут, пчелы по цветам летают – мед собирают, словом, благодать – середина лета. И вдруг в этом раю появляется огромный дракон, глаза полыхают, изо рта – клубы дыма...

– Ой! – крикнули мы все хором.

– Я задрожала, сердце заколотилось. И вдруг откуда ни возьмись появляется крылатый огненный конь. Гибкий, стройный, сбруя и седло – серебряные. Клянусь сыном, показалось, всадник держит в руках не саблю, а молнию, так она сверкала....

– Но тут вдруг сабля всадника стала вдвое длиннее, свернула и отсекла дракону голову, которая покатилась с таким грохотом, что показалось: скала откололась и падает в ущелье. Не кровь хлынула из разрубленной шеи – пламя огромное взметнулось ввысь...

– Да будет так! – бабушка подняла руки к небу. – Дракон – это Гитлер, а всадник – Сталин. Скоро мы раздавим врага, как гнилую головку чеснока.

– Да будет так! – вслед за бабушкой руки к небу протянули и остальные.

– А я снов не вижу! Везет же Субайбат, – пожаловались Ханзадай. Лицо у нее было огорченное...

...Бабушка не успела ответить – за дверью раздался какой-то звук.

– Метель? – предположила Субайбат.

– Да нет, кто-то плачет! – воскликнула Сапигат и кинулась открывать, забыв даже сунуть ноги в чувики.

В саклю упала женщина, закутанная в пестрое тряпье. На груди ее и на спине были привязаны двое детей.

– Вуя! Бедняжка! – всплеснула руками Субайбат.

– Быстро принесите с веранды снега, – распоряжалась бабушка, – разденьте их, разотрите. А вы что стали?.. Разуйте женщину!

Еле-еле стянули с нее валенки. Сняв тряпье, в которое были замотаны ноги, мы испугались: так опухли они, красные, в ссадинах и кровоподтеках.

Бабушка и Субайбат возились с детьми. Они раздели девочек догола и долго растирали их снегом. Как нельзя кстати оказался тогда бабушкин карман...

...Выяснилось, что женщина не знает аварского, и мне пришлось быть переводчицей. Я не раз бывала вместе с мамой в больнице, прислушивалась к разговорам врачей. Наверное, никогда в жизни я не была так горда, как в тот день. Я стояла посреди комнаты и под пристальными взглядами переводила с русского на аварский. Из того, что говорила женщина, я с трудом понимала половину, но не могла же признаться в этом! Женщину звали Оксаной. Она бежала из захваченного фашистами города. С ней были дочь и мать. Мать Оксаны убило, когда они попали под бомбежку. Они увидели маленькую девочку, которая сидела рядом с мертвой женщиной и повторяла: «Мама! Мама!» Оксана взяла девочку с собой. Несколько суток они провели на каком-то вокзале. Затем им удалось сесть в поезд, который шел в Махачкалу. Они ходили из селения в селение и вот очутились у нас.

– О Аллах! Видите, какие муки выпадают на долю людям. Ведь мы тут живем как в раю. Не видим ни пожарищ, ни разрушений... – качала головой бабушка.

– За что же ты послал такие невзгоды? Разбросал людей по земле, как волков, лишил их крова, родины! – всплеснула руками Субайбат.

Затем окружили лежавших в беспамятстве детей. Девочек звали Оля и Надежда.

Маму отпустили из больницы только на следующий день. Она собрала с веранды снег, растопила его, выстирала детские вещи сначала золой, потом с мылом, которое принесли Рахмат и Ханзадай.

За эти два дня карман бабушки сильно похудел. «Малую болезнь хорошая еда лечит», – говорила бабушка и готовила гостям еду, бог знает где находя съестное.

Из каждого дома что-нибудь несли к нам: кто съестное, кто лечебные травы: мяту, чабрец, тмин, крапиву... Каждый день нас навещал Гаджиада – самый старый человек в ауле. Гаджиада держал ульи и всегда припасал для больных мед. Он подарил нам целый кувшин.

Дети долго болели, у них сошли ногти, кожа на лицах шелушилась.

– О Аллах! – взывала бабушка, смазывая их лица и руки лекарством. – В чем вина этих малюток? Как мог ты допустить, чтобы так страдал народ? – и тут же, опомнившись, начинала извиняться перед Аллахом. – Аставпиурлах, прости меня, боже, я начинаю терять рассудок, вместо того чтоб переносить как должное твои испытания, я ропщу!

Но я-то видела, что, хотя бабушка и молила Аллаха о прощении, сердце ее бунтовало.

Наконец пришла весна, принеся с собой много хлопот. Дети ожили. Окрепли...

...Однажды я слышала, как Оксана говорила матери:

– Не могу сидеть без работы.

– Нет, на поле я тебя не пущу. Я лучше попрошу Раису Петровну, чтобы она взяла тебя в больницу, – ответила ей мама.

У моей сестры Нуцалай была одна страсть: стоило ей увидеть бумагу и ножницы, она садилась вырезать фигурки зайцев, медведей, волков. И надо сказать, получалось у нее на редкость искусно. Бабушка почему-то не одобряла этого занятия.

– На сколько кусков изрежешь ты бумагу, столько сссор будет в доме. Так говорят старики, – сердилась она.

– А ты знай кромсаешь и испытываешь удовольствие.

– Ну, бабушка, ну разреши, – молила Нуцалай. Вот и сегодня она вырезала из бумаги женские силуэты. Одна фигурка вышла очень хорошо. Нуцалай взяла огрызок красного карандаша и начала раскрашивать платье. За работой Нуцалай всегда наблюдала Надя, сирота. А теперь она почему-то расплакалась.

– Отдай мою маму, отдай, – кричала она и тянула ручонки к раскрашенной фигурке.

– Подожди еще, я не раскрасила...

– Отдай мою маму! – плакала девочка.

– Вабабай! – удивилась бабушка. – Видно, ее мама носила платье в красный горошек. Отдай ей рисунок.

– Отдай мою маму! Отдай! – уже держа в руках фигурку, продолжала плакать девочка.

Казалось, она просила тех, кто развязал на земле войну... И сегодня у меня перед глазами стоят детские руки, сжимающие вырезанную из бумаги фигурку.

Судьба дагестанской женщины никогда не была легкой. До революции её уделом были многочисленные трудовые обязанности в семье, в поле, уход за скотом. Она не была допущена к участию в сельском управлении. У нее не было возможностей раскрыть свои таланты и способности. Родители девушки, как только появлялась выгодная партия, старались выдать ее замуж, и она полностью оказывалась во власти мужа. Но в этом правиле бывали и счастливые исключения. Таким исключением стала судьба Дженнет Магомедовны Далгат. Говоря о ней, часто употребляют слово «первая» – первая дагестанка, получившая высшее образование в 1909 г., первый профессиональный композитор Северного Кавказа, ставший музыкантом-просветителем, педагогом.

ДАГЕСТАНСКАЯ СЮИТА ДЖЕННЕТ ДАЛГАТ

Дженнет Далгат родилась 18 апреля 1885 г. в городе Владикавказе в культурной, просвещенной семье. Отец Дженнет – Магомед Магомедович Далгат – родом из селения Урахи Даргинского округа Дагестанской области. Он был первым дагестанцем, который стал профессиональным врачом, окончившим в 70-е годы XIX века университет в Германии. После окончания учебы кавказская администрация направила Магомеда Далгата работать врачом во Владикавказ. Он стал известным общественно-политическим деятелем Северного Кавказа. Его избирали депутатом Владикавказской городской думы, он издавал газеты «Весь Кавказ» и «Голос Кавказа» либерально-

демократического направления. В 1912 г. Магомед был избран депутатом от Дагестана в IV Государственную думу, где при его активном участии был принят закон, освободивший 70 тысяч дагестанских крестьян от зависимости, от власти беков.

Мать Дженнет – Хаси Ханум Шах-Саварова – родственница персидского вице-консула во Владикавказе, была известна своей широкой благотворительной деятельностью. Тетя Дженнет – жена персидского вице-консула, человек прогрессивных взглядов, вела переписку с великим русским писателем Львом Толстым.

Город Владикавказ, в котором родилась и выросла Дженнет, был экономическим и культурным

центром Северного Кавказа, где сосредоточился цвет северокавказской интеллигенции. Здесь действовало много культурно-просветительских, профессиональных обществ: осетинская интеллигенция была европейски образованна и привержена гуманистическим идеалам. Она была близка к народу, среди нее распространялись народнические настроения.

В доме доктора Далгата часто собирались представители интеллигенции, и Дженнет внимательно слушала их споры о том, как сохранить самобытную культуру горских народов и приобщить их к достижениям европейской культуры, как облегчить тяжёлое положение народов Кавказа.

В такой обстановке Дженнетросла, формировалась вместе с двумя младшими братьями Се-раж-этдином и Джемал-этдином. Уже в детстве у неё проявились музыкальные способности. Отец поощрял её занятия музыкой, желание стать музыкантом. В 1904 г. Дженнет Далгат, как когда-то её отец, едет в Германию и поступает в консерваторию города Лейпциг. Это и определило её дальнейшую судьбу.

Лейпциг, куда приехала молодая горянка, считался признанной столицей немецкой музыкальной культуры. Шум и блеск большого европейского города вначале ослепили Дженнет. Но целеустремленная и настойчивая, она увлеченно начала занятия музыкой в консерватории. Ей повезло, её педагогом стал известный музыкант – ученик великого Ференца Листа, профессор А. Рейзенауэр.

Во время учёбы в Лейпцигской консерватории у Дженнет проявилось необыкновенное музыкальное дарование. Строгие немецкие профессора отмечали её большие успехи как пианистки. Напряженная учёба, посещение концертов симфонической музыки, оперных спектаклей, знакомство с немецкой культурой – вот чем были заняты дни молодой горянки.

Пять лет учёбы пролетели незаметно, и в 1909 г. Дженнет Далгат блестяще окончила консерваторию по классу фортепиано. За выдающиеся исполнительские достижения дирекция наградила ее золотой медалью.

Дженнет вернулась домой и стала выступать с концертами в городах Северного Кавказа, знакомила слушателей с европейской музыкой. Её концерты получали высокую оценку у слушателей и в местной прессе. Так, в одной из рецензий было сказано: «Отметим еще раз игру выдающейся

Дженнет Далгат с родителями

пианистки – лауреатки Лейпцигской консерватории госпожи Д.М. Далгат. Внешняя манера игры у неё чисто мужская: смелый отчетливый удар ... масса эффектов, неожиданности, очаровательности ... высокая музыкальная образованность. Невероятная музыкальная память!»

В сложные годы гражданской войны Дженнет выходит замуж, в 1920 году рождается сын Джемал-этдин. Но семейная жизнь

не удалась, и молодая женщина решает продолжить музыкальное образование. Она обращается к наркому просвещения Дагестана Алибеку Тахо-Годи с просьбой направить ее на учебу в Германию, и в 1925 году вместе с пятилетним сыном она едет в Лейпциг.

Особая страница в биографии Дженнет Далгат – это пропаганда дагестанской народной музыки в Германии. В 1927 г. во время ее учёбы в Лейпциге из Дагестана

ей прислали сборник дагестанских мелодий в обработке Г. Гасанова, Джемалова и Е. Юдиной. Дженнет показала их немецким профессорам консерватории и композиторам. Они заинтересовались музыкой горцев. На основе дагестанских мелодий было создано несколько музыкальных сочинений на их темы. Самым крупным и интересным было произведение композитора Фрица Рейтера «Дагестанская сюита», написанное для симфонического оркестра. Это произведение в 1930 г. исполнялось в нескольких городах Германии и имело большой успех.

Дженнет Далгат вспоминала, что во время ее учёбы в Лейпциге существовал союз советских студентов, который устраивал митинги-концерты, художественные вечера, собиравшие тысячи немецких рабочих и студентов, приходивших послушать музыку и стихи советских композиторов и поэтов. Она видела, какое воздействие оказывают эта музыка и стихи на немцев. Дженнет мечтала о том, чтобы и в городах и аулах Дагестана искусство, а именно музыка и драма, поднимали уровень культуры дагестанцев, пропагандировали новый образ жизни, который постепенно утверждался в Дагестане после победы революции.

По возвращении в Дагестан она начинает реализовывать свою мечту.

В 1926 г. в Буйнакске было открыто Дагестанское музыкальное училище, в том же году его перевели в Махачкалу. И Дженнет Далгат активно включается в работу первого в Дагестане специального училища. Педагогический состав училища в первые годы его существования был очень сильным. Были приглашены музыканты из Москвы

и Ленинграда. Возглавил училище выпускник Ленинградской консерватории Готфрид Гасанов. Класс фортепиано вела Дженнет Далгат. Она обучает детей горцев музыке. Много выступает с концертами, сочиняет музыку, активно участвует в культурной жизни Дагестана. Дженнет Далгат стала одной из наиболее видных фигур музыкальной жизни республики. Ее заслуги в создании национальной и профессиональной музыки дали основание Мураду Кажлаеву считать её первым профессиональным композитором Дагестана.

В начале 30-х годов у Дженнет Далгат ухудшилось здоровье, и врачи посоветовали ей поменять климат. Она переехала в Нальчик. Здесь она прожила несколько лет. По некоторым сведениям, она является инициатором открытия в Нальчике в 1936 году первой детской музыкальной школы, которая с 2006 г. носит имя Юрия Темирканова.

Жизнь Дженнет Далгат была недолгой. Она умерла в 1938 г. в возрасте 53 лет.

Потомки Дженнет Далгат продолжили заложенные ею традиции. Сын Дженнет Далгат – Джемал, как и мать, стал музыкантом. Блестяще окончив композиторское отделение Московской и дирижерское отделение Ленинградской консерватории, он долгие годы работал дирижером в театре оперы и балета имени Кирова в Ленинграде. Джемал Далгат много гастролировал по всему миру, ставил спектакли в США, Германии, Индии, Японии, Великобритании. Он был постановщиком и дирижером первого дагестанского балета «Горянка» на музыку Мурада Кажлаева по одноименной поэме Расула Гамзатова.

За заслуги перед дагестанской и российской культурой ему присвоили звания «Заслуженный деятель культуры Дагестана» и «Заслуженный деятель культуры Российской Федерации». Последние годы своей жизни Джемал Далгат возглавлял созданный им «Санкт-Петербургский оркестр».

Джемал Далгат погиб при пожаре в 1991 году в собственном доме, пытаясь спасти архив семьи.

Дочь Джемала – Дженнет Далгат-младшая, известная петербургская художница. У неё два сына: Дмитрий тоже художник, а младший, Михаил Татарников, продолжил музыкальные традиции семьи и окончил Санкт-Петербургскую консерваторию. Как когда-то дедушка, он работал в Мариинском театре оперы и балета (бывший театр оперы и балета им. Кирова), с 2012 г. он главный дирижер Михайловского театра оперы и балета в Санкт-Петербурге.

Недолгий творческий путь Дженнет Далгат был ярок и плодотворен. Пианистка и педагог, музыкальный и общественный деятель, автор музыкальных произведений. Удивительная личность, удивительная судьба. Дженнет Далгат, которая уже реализовала себя как композитор и педагог, могла бы обрести мировую славу. Но выросшая в семье, где главным считалось служение Родине, в то трагическое время она избрала для себя путь, который был ей близок и понятен, – путь приобщения горских народов к достижениям европейской культуры, сохранив их самобытность и уникальность.

Эльмира ДАЛГАТ,
доктор исторических наук,
профессор

Манаба Магомедова, художник-ювелир

Окрылённая небом

Художник Альберт Хаджаев. Первая женщина-летчик Дагестана Бавер Джабарова

Лакский народ дал миру много выдающихся женщин. Это легендарные Парту Патима – лакская Жанна Д’Арк – и поэтесса Щаза из Куркли; Хурбиче из рода Чариновых – мать героя-подводника Магомеда Гаджиева; единственная в Дагестане женщина, награжденная орденом Святого Станислава III степени за вклад в борьбу с эпидемией тифа, соратница Тату Булач, революционерка Хадижат Сайд-Гусейнова... Есть среди представительниц моего малого народа и искусные золотошвейки, чьи работы хранятся в престижных музеях мира, и выдающиеся врачи, и известные ученые, и знатные труженицы промышленности и сельского хозяйства, и преданные своему делу педагоги... Всех не перечесть!

«Для меня это было неожиданностью – узнать, что первая и единственная летчица на Северном Кавказе была Бавер Джабарова из Дагестана. Я не слышал об этом ни в Кабардино-Балкарии, ни в Осетии, ни в других республиках. Нигде не слышал о таком, кроме как о русских девушках, – рассказывает Герой России летчик-космонавт Магомед Толбоев. – ...Жаль, что до сих пор ее не знали»...

Когда встал вопрос, о ком писать статью к 100-летию со дня образования Дагестана, первое имя, которое пришло мне на ум, было имя Бавер Джаяфаровой, той самой, легендарной, первой и единственной!

Одна из десяти детей искусственного ювелира Фатали Джаяфарова, Бавер родилась в 1920 году в высокогорном Чуртахе. Росла, как и все аульские дети того времени: ходила к роднику за водой, помогала маме по хозяйству, училась в школе; наверное, мечтала, как большинство ее сверстниц, стать учительницей или врачом.

В начале 30-х прошлого столетия семья Джаяфаровых переехала в Буйнакск. Там отцу, золотых дел мастеру, участнику международных выставок в Париже, Лондоне, Берлине, было легче прокормить семью. Кроме того, дети златокузнеца Фатали и домохозяйки Гурун Джаяфаровых, любознательные и умные, получили возможность узнать ответы на свои многочисленные вопросы и выбрать дорогу жизни по своим наклонностям и способностям.

Однажды Бавер увидела в небе над городом аэроплан! Конечно, девочка знала о летающих машинах, но никогда раньше их не видела. А шум моторов нарастал, становился сильней, отчетливей. Аэроплан сделал два широких круга и медленно опустился на поляну за городом.

Бавер стрелой помчалась на поляну и увидела, как из кабинки вышли два человека в черных кожаных куртках и больших очках.

— Люди летают, как птицы! — восторженно рассказывала она домашним об увиденном. А ночью

долго не могла заснуть, представляя, как сама управляет летающим чудом.

Мощная железная птица поразила воображение девочки, оставив глубокий след в ее сердце. С тех пор она мечтала покорить небо...

Окончив школу, Бавер поступает в Дагестанский педагогический техникум там же, в Буйнакске. К этому времени семья вернулась в родовое село. И чтобы девушка одна не оставалась в городе, после первого курса отец забирает домой и Бавер.

Вернувшись в Чуртах, первым делом Бавер вместе со старшей сестрой Патимат, уже окончившей техникум, открывает пункт ликбеза для старшего поколения. В этой работе им помогала молодежь села, поддержали и родители. Однако Бавер не забывает о своей мечте и уезжает в Махачкалу к старшему брату Джаяфару. Восстанавливается в педтехникуме и после окончания учебы поступает на летное отделение Махачкалинского аэроклуба, располагавшегося тогда на улице Бабушкина. И уже потом рассказывает об этом маме. Можно лишь представить, как трудно было Гурун, человеку, получившему традиционное горское воспитание, согласиться с выбором дочери. Но приняла, проявив и выдержку, и терпение.

А хрупкая зеленоглазая девушка показывает по-настоящему мужской характер и настойчивость. Днем она работает заместителем заведующего орготделом Дагестанского ЦИК по работе среди девушек и женщин. А вечерами упорно учится, изучает не только механизмы управления самолетом,

но и технику пилотажа. В 1937 году она совершают свой первый самостоятельный полет. В те времена Центральный Совет Осоавиахима находился на ул. Оскара. Каждый день, ровно в 5 часов утра, возле него собирались крепкие жизнерадостные юноши и девушки — будущие летчики. Кокончанию летной школы, в 1938 году, Бавер уже имеет 40 самостоятельных полетов на самолете У-2; она знает, какие опасности подстерегают летчика в небе; умеет выйти из «штопора» и «мертвой петли»...

«Дисциплинированна, принципиальна, находчива», — так написано в ее характеристике, выданной в летной школе. Сбылась ее детская мечта — полететь в родной Чуртах на «железной птице». 183 километра до родного селения Бавер преодолела за 2 часа. И когда она посадила самолет и вышла из кабинки, чуртахцы были потрясены, узнав в летчике дочь Фатали.

Я так живо представляю, как удивляются, радуются, восторгаются люди, как перекликаются с крыши на крышу: «Сообщите Фатали, скажите Гурун, — их дочь на железной птице прилетела!» — как будто сама нахожусь среди них! Ведь это было время, когда еще даже не во все райцентры в горах приезжали автобусы и машины!

Земляки встретили ее как настоящего героя. Это действительно был подвиг — не только воплотить мечту в жизнь, но и показать пример того, что это возможно! Но Бавер желает учиться дальше, не останавливается на достигнутом, мечтает о новых самолетах, о горных авиалиниях.

Первую летчицу-горянку знает весь Дагестан. Она получает много писем от девушек из районов и городов республики. Многие поверили в то, что могут осуществить свою мечту, стать такой, как Бавер.

Бавер учится в высшей партийной школе. Поступает в летное училище, после окончания которого работает в аэроклубе инструктором, готовя пилотов для нашей армии. Упорная, старающаяся освоить все новое и передовое, летчица-горянка прославила Дагестан своими рекордами в летном деле, за что была награждена орденами и медалями. О ней узнали в Москве и пригласили в Кремль на встречу с самыми известными летчиками страны. Она познакомилась с такими асами, как Валентина Гризодубова и Полина Осипенко, и до конца жизни дружила с ними. После встречи для участников был дан банкет. И там Бавер осмелилась пригласить наркома обороны СССР Клиmenta Ворошилова на лезгинку, а Иосиф Сталин и члены Политбюро поддержали их громкими аплодисментами.

«Комсомол, партия», – эти слова были тогда исполнены глубочайшего смысла. «Кто, если не ты?» – вот что стояло за ними. Инструктор ЦИК, директор хлебопекарни, заместитель прокурора республики, член Верховного суда Дагестана, первый секретарь обкома ВЛКСМ, директор кинотеатра «Темп» (уже в послевоенные годы), – везде, куда посыпалась ее партия, Бавер работала, не жалея себя.

Незадолго до начала войны Бавер познакомилась с работником

НКВД Саидом Баратовым. Вскоре молодые люди поженились.

Ранним воскресным утром 22 июня 1941 года супругов Баратовых вызвали на работу в свои ведомства. Началась война. Саида призвали в армию и отправили на курсы командиров пехоты в Буйнакск. Бавер тоже подает в военкомат заявление вместе с другими работниками прокуратуры, но тут выясняется, что молодая женщина ждет ребенка. В действующую армию ее не призвали, и Бавер готовит летчиков для фронта, не жалея ни сил, ни времени. В годы Великой Отечественной войны пять выпускников Махачкалинской школы авиаторов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Муж Бавер погиб в боях за Кавказ, так и не увидев сына. Бавер пришлось растиль Фатали одной. Верная памяти Саида, она больше не вышла замуж.

О Бавер много писали в те годы, ее фотографии печатались в газетах и журналах. Прославленную дагестанку направляют делегатом на Первый вседагестанский съезд женщин. И там ее избирают председателем президиума. А по окончании съезда на аэродроме ДОСААФ, под восхищенные возгласы и аплодисменты участников, Бавер Фаталиевна продемонстрировала свое мастерство, выполнив в небе фигуры высшего пилотажа.

После войны Бавер Джадарова уходит из авиации, занимается мирным трудом. Ее назначают директором Махачкалинского кинотеатра «Темп», ныне «Дружба». Через некоторое время этот

кинотеатр становится лучшим в Дагестане и долгое время удерживает переходящее Красное знамя. За добросовестный труд Б.Ф. Джадаровой присваивают звания заслуженного деятеля культуры ДАССР и РСФСР.

Именно к этому периоду относится моя первая встреча с Бавер Фаталиевной. Мы жили тогда на Набережной. Из дома я обычно выходила вместе с отцом, который шел на работу в Союз писателей. И на улице Буйнакского встречались со многими его знакомыми. С некоторыми он просто здоровался, но с Бавер Фаталиевной обязательно перекидывался несколькими словами, спрашивал ее о здоровье, о сыне, о членах семьи, со многими из которых был знаком.

Тогда я и узнала, что Бавер Фаталиевна – женщина с обворожительной улыбкой и яркими изумрудными глазами – летчица, парашютистка, участница войны. Что она пользуется большим уважением среди лакцев и дагестанцев. Ее сын Фатали дружил с моими старшими братьями, бывал у нас дома. Об этом вспоминала я 20 мая 2005 года на открытии мемориальной доски в честь первой летчицы и парашютистки Дагестана Бавер Джадаровой на доме №15 по ул. Оскара.

В 2017 году в средней школе села Новочуртах имени летчика-космонавта Мусы Манарова был установлен мемориальный бюст легендарной дагестанки, покорившей небо, – первой и единственной!

Ажа АБДУРАХМАНОВА

Мать Бавер, Гурун Джадарова, родившая и вырастившая 10 детей, была награждена золотой звездой ордена «Материнская слава». Все дети состоялись и как специалисты, и как личности. **Джакпар** стал скульптором, преподавал в ДГХУ имени М.Джемала; **Амин**, биолог по специальности, много лет работал директором Горзеленхоза, **Абдулла** был профессором, деканом Плехановского института народного хозяйства. **Агарагим** был генеральным директором ООО «Московский дрожжевой завод»; **Темирхан** – главным дирижером Дагестанского Гостелерадиокомитета; **Патимат** стала первой учительницей в Чуртахе, по ее стопам пошла и **Айшат**, добросовестно работала в избранной профессии и младшая сестра **Сиясат**.

Щаза из Куркли

Поэтесса, классик лакской литературы (1868 – 1937). Внесла большой вклад в развитие поэтического творчества Дагестана.

«Стихи Щазы – точно белые слезинки ландыша на высоком стройном стебле. Они все едины, как его соцветие, все о любви, о любовной беде, обманном счастье. И такая же в них скромность, безыскусственность.

Простота её – от высокого таланта», – пишет литературовед Н. В. Капиева.

А поэт и ученый Магомед-Загид Аминов считает, что «в истории лакской культуры Щаза – первый человек, который осознал себя профессиональным певцом».

Щаза из Куркли

* * *

Цветком безгрешным я росла
На горной крутизне гранита,
Звездой застенчивой плыла,
От взоров дымкою закрыта...

Ноты пришел – цветок в слезах:
Его задели руки хвата.
Звезда померкла в небесах,
Когда ты глянул воровато.

* * *

Родной аул милей Багдада,
Но мне пришлось в слезах уйти.
От вздоха моего и взгляда
Желтели травы на пути.

Любила – и осталась рана,
И пела – проклята отцом.
Нет для меня грешней Корана,
Коль песню он клеймит грехом.

* * *

О! Что за мир? И что за люди?
За грош друг друга продают.
Неужто звон монет и будет
Звучней, чем песня и салют?

У всех в чести одни червонцы,
Без них и честь твоя – пустяк.
И кажется, что даже солнце
Не что иное, как пятак.

* * *

Затмой ночной приходит свет,
Больной находит исцеленье.
На этом свете только нет
Исхода моему терпению.

Ущелье грому шлет ответ,
А ветру – даль полей зеленых.
На этом свете только нет
Ответа человечьим стонам.

* * *

Не душа в тебе, а ветер –
Мне ли стать твоей женой?
Лучше уж пойти по свету
С горькой нищенской сумой.

Не лицо, а камень стылый –
Нам ли быть одной четой?
Лучше уж лежать в могиле
Под холодною плитой.

* * *

Опьянала не от взгляда
И горю не от любви,
Испила я чашу яда
Из паучьих рук твоих.

Ты палач! – иного слова
Нету для твоих страстей.
Захмелеешь ты от крови
Хоть однажды – от своей!

Перевод М.-З. Аминова

Отцом нашей героини Тату был офицер из Чоха по имени Булач. Он служил в таких дагестанских крепостях, как Ишкарты, Ахты, Дешлагар. В 30 лет он внезапно скончался, оставив вдову Арув Ажай и дочерей Изумруд, Бриллиант и шестимесячную Тату. Родилась Тату 10 января 1902 года в Каякенте. После смерти Булача мать с тремя дочерьми переехала в Темир-Хан-Шуру. Семья бедствовала, и поэтому Тату с тринадцати лет начала работать: репетитором, статистом в агрономическом пункте и даже учительницей. На вопрос, как это могло случиться, в ответ я услышал: «Меня рано приобщили к основам наук». Это дало возможность девушке поступить в Темир-Хан-Шуринскую женскую гимназию.

Тату Булач

На нее сразу обратил внимание учитель словесности Поцхверов.

Он зачастил в семью Тату Булач, вел изысканную болтовню, а однажды, как бы между прочим, сказал ее матери: «Ваша старшая дочь справедливо носит имя Изумруд, она прекрасна. Средняя – Бриллиант. Ничего не скажешь – великолепна. А вот младшая, извините, почему Тату?! Она ведь – жемчужина!». Все замечали, что учитель неравнодушен к ней. Он подчеркнуто выделял Тату из всех учениц, настолько его поразила красота девушки.

Но очень скоро все начало меняться. За прилежной гимназисткой начали замечать, что она стала задумчивой, не щебетала с подругами, как это бывало раньше, не ходила в гости, пропускала занятия. И вот как-то на одном уроке Поцхверова произошел такой случай. Дочь хозяина магазина готового платья Роза Гринберг обратилась к учителю:

– Объясните, пожалуйста, что такое социализм?

– Спросите об этом, – резко ответил Поцхверов, – у мадемуазель Тату Булач.

Оказалось, учитель был в курсе того, что происходило с его ученицей.

Вскоре Тату ушла из гимназии. Случилось это в ту пору, когда девушка сблизилась с Уллубием Буйнакским. Существуют письма, адресованные революционером Тату. Они пронизаны идеями коммунизма. Уллубий предлагает ей: «Вы должны делать ту же работу, что и мы, а начните, ну хоть с агитационной! Будьте нашей агитаторшей-горянкой ...Смелость и еще раз смелость».

В последнем письме, датированном августом 1919 года, только 17 слов. Вот они:

«Дорогая Тату! Пишу в Петр., на станции в вагоне. Могу быть расстрелян, ничуть не боюсь. Я Вас люблю.

Уллубий».

Тату работала в подполье. В 1917 г. организовала Союз молодежи. Когда победила советская власть, ее перебрасывали с одного участка на другой: председатель Дагобкома

комсомола, завагитпропотдела Махачкалы и Хасавюрта, член выездной сессии ревтрибунала республики, председатель торгпредства в Турции, инспектор таможни в Москве, директор высших педагогических курсов при ВЦИК СССР, директор вечерней академии и т. д.

Восемнадцатилетней девушкой пришла она в партию, чтобы всю себя отдать делу рабочих и крестьян. А для себя, для личной жизни не оставалось в сутках и часа, если не считать те минуты, что уходили на встречи с такими людьми, как всемирно известная Клара Цеткин, автор «Интернационала» Пьер Дегейтер, автор нашумевшей книги «10 дней, которые потрясли мир» Джон Рид, писатели Назым Хикмет, Аркадий Гайдар, Константин Паустовский, Эффенди Капиев...

Все шло благополучно до 8 октября 1937 года. В тот день в Москве ее арестовали и этапировали в Махачкалу. Обвинение было кратким: «Состояла в троцкистской организации, находившейся в Буйнакске».

С тех пор Тату Омаровна прошла все круги ада. В Махачкале, в

камере, ее посетил нарком НКВД Ломоносов. Сехидцей он произнес:

— Наконец-то удалось заполучить старого врага народа!

— Я не враг, — ответила женщина.

— Враги те, кто меня арестовал!

— Я вас арестовал! Что на это скажете?! — воскликнул чекист. Но ответ истязаемой прозвучал как выстрел:

— Значит, — отрезала Тату Булач, — вы и есть враг!

Ощущение пощечины осталось у Ломоносова на всю его черной каймой очерченную жизнь.

О том, что произошло после этого диалога, Тату Омаровна рассказывает:

— Сейчас же я была передана следователю Глебову. Полтора месяца меня подвергали «стойке» с небольшими перерывами: без сна, без бани, почти голодная. Когда с опухшими ногами падала, опять поднимали, приводя ко мне каких-то людей, которые говорили, что я их вербовала. Принуждали меня, чтобы я писала собственной рукой лживые показания на себя и других — я не писала. Я была на грани сумасшествия. При этом следователь Глебов объяснял, что Ломоносов не дает ему покоя, требуя заставить меня написать заявление, что вербовал именно Коркмасов.

Глебов ничего не сумел добиться. Тогда арестантку передали друго-

му следователю — Ищенко. Тату Омаровна отказалась подписать протокол, составленный новым следователем.

— Двух истин не бывает, — сказала она, — я не могу изменить правде.

Ищенко не стал церемониться и избил подследственный так, что выбил ей передний зуб, повредил нерв под левым глазом, потом десять дней заставлял стоять на «стойке».

Тату Омаровна объявила голодовку, отказывалась есть и пить. Ее уговаривали, не добившись ничего, снова начинали бить, не давали ни сидеть, ни лежать, ни спать. По многу суток она стояла по колено в воде. А из коридора слышалось веселое «ржание» надзирателей.

В каких только тюрьмах, карцерах, лагерях не побывала дагестанка!

У нее была поразительно наивная вера, впрочем, как и у многих других, что вышла какая-то ошибка, недоразумение, что вот-вот разберутся «наверху» и ее освободят, восторжествует справедливость. Тату Булач была наделена неуёмным духом оптимизма. Ни разу ей не пришла мысль о смерти, о том, что надо перестать сопротивляться, сдаться.

Посудите сами. 15 октября 1942 года, к пятилетию своего тюремного заключения, она обратилась к командованию лагеря, чтобы ее

отправили на фронт бить фашистов. Когда ей в этом категорически отказали, она передала 500 рублей бойцам Красной Армии и столько же на строительство танковой колонны. В конце войны ей сделали послабление: назначили заведующей молочно-товарной фермой. Ферма заняла первое место в соревновании с другими фермами лагерей, кормившими начальство.

Ничто не могло сломить этого человека, хотя в тюрьмах и лагерях она провела без малого 20 лет! Выходя из заключения в 1956 году, после XX партсъезда, Тату Омаровна нашла в себе силы писать книги, встречаться с учащимися и студентами, ветеранами и молодежью, поддерживать разуверившихся, помогать слабым. Я ее знал близко, и не только потому, что она часто встречалась с краеведами моей 5-й буйнакской школы. Из ее уст я не слышал ни одной жалобы, просьбы. Как будто в недавнем прошлом не было 20 мучительных лет, как будто вся жизнь ее прошла в розовых красках. Может, поэтому и в 70 лет она казалась красивой женщиной, которую очень любил Уллубий Буйнакский. Но судьбы их оказались раздавленными тем обществом, во имя которого оба они отдали себя без остатка.

Булач ГАДЖИЕВ

Мариам Ибрагимова (1918 – 1993) – врач, писатель, публицист, художник и историк.

Автор книг, в которых отражены нелёгкая борьба горцев за лучшую жизнь, дружба людей разных национальностей.

Главное произведение её жизни – роман-трилогия «Имам Шамиль». Книга стала итогом многолетней творческой деятельности и колossalной исследовательской работы. По признанию Расула Гамзатова, «её роман «Имам Шамиль» по праву является самым лучшим описанием Шамиля и Кавказской войны».

Мариам ИБРАГИМОВА

Шамиль и Шунат

(Отрывок из романа)

Дарго встретил имама в пышном наряде декабрьских снегов. Над квадратами плоских крыш, как белые султаны, поднимались дымки.

Жители аула с нетерпением ждали своих сыновей, мужей, братьев. Всё лучшее было припасено для дорогих и близких, возвращающихся с победой из похода. Вместе с запахом дыма из распахнутых дверей вырывались ароматы жареной баранины, лука, чеснока.

Готовились к встрече хозяина и в доме имама. В лучшее платье принарядились жена Патимат, тётушка Меседу и остальные. Красавица Анна тоже ждала повелителя. Несмотря на зимнюю стужу, она надела белое платье, накинула шаль, поднялась на крышу дома.

Ярким, солнечным было зимнее утро. Алмазной россыпью сверкала снежная пыльца в прозрачном воздухе.

Авангард кавалерии показался из лесу. Девушка смотрела из-под руки на воина.

Вот она увидела того, которого так долго ждала, о ком так много думала. Радостное волнение охватило её, когда имам, откинув голову, посмотрел на неё и пришпорил неторопливого коня.

Ворота шамилевского двора широко распахнулись. Управляющий делами имамата молодой учёный Хаджияв стоял впереди встречающих. Рядом с ним, с радостью на лице, переминаясь с ноги на ногу, ждал своего господина Салих. В стороне застыла стража.

Шамиль в окружении старых друзей – наивов и советчиков – въехал во двор. Салих подбежал, схватил коня за уздечку. Хаджияв подошёл первым. Имам протянул ему руку.

– В доме спокойствие и порядок, – доложил управляющий.

Шамиль с чуть заметной улыбкой кивком головы приветствовал стражу и дворовых. Двум старикам-чеченцам, пришедшем встречать, подал руку. После этого к нему подбежали сыновья – старший Гази-Магомед и младший Магомед-Шафи. Отец взял каждого за руку, повёл к дому.

В кунацкой ожидали женщины. Первой подошла к имаму Баху. Шамиль обнял мать, спросил о здоровье. Затем подбежала тётушка Меседу, обняла племянника.

Патимат низким поклоном молча приветствовала мужа. Маленькая дочь повисла на шее у отца.

До поздней ночи в кунацкой толпились гости. Особенно много было белобородых. Имам любил седых горцев, видавших виды на своем веку. Всегда внимательный, умевший с необыкновенной терпеливостью выслушивать говорящего, он казался возбужденным. Старики отнесли это на счёт радости побед.

Было уже поздно, когда разошлись гости. В доме все улеглись, за исключением матери и тетушки, которым хотелось наедине с Шамилем переброситься нескользкими словами перед сном. Кроме них, не спали ещё две женщины. Жена Патимат, приготовив постель, нервно расхаживала по комнате, гадая, позовёт её в эту ночь долгожданный супруг или нет.

Анна тоже не ложилась. Она отказалась от ужина и не стала переодевать подвенечное платье. Благодаря ему она очутилась в доме имама. В нём хотелось ей кинуться в объятия этого сильного красивого мужчины, к которому её влекла сила разбуженных чувств.

Проводив мать и тетушку, Шамиль вышел из своей комнаты. Он стал во весь рост, подойдя совсем близко к стеклянной двери. Анна не отвернулась, не стала делать вид, что не замечает. Наоборот, тоже приблизилась к двери и стала, глядя на него с улыбкой. Но имам ушёл. Ушёл не к себе, а в комнату Патимат.

Забилось сердце девушки, загорелась молодая грудь чувством ревности. Она кинулась к двери, распахнула её в ожидании, но Шамиль не возвращался. Не раздеваясь, легла Анна в постель. В душе её спорили два голоса – голос рассудка, повторяющий: «Патимат – жена, а ты кто?», и второй голос: «Не прощу, сбегу!» До утра ей не спалось, весь следующий день она не выходила из своей комнаты. Не хотела видеть никого. Её раздражал весёлый голос обласканной жены. А вечером Анна сказала тётушке Меседу:

– Не зажигай лампу. Я нездорова, хочу лечь пораньше. Но Анна не спала. Она прислушивалась к каждому шороху.

– Почему в золотой клетке не горит огонь? – спросил имам.

– Ласточка, – так называла Меседу Анну, – весь день была скучна, это она не захотела.

– Может быть, девушка нездорова?
 – Нет, думаю, просто не в настроении.
 – Пойди, если не спит, позови её сюда.
 Меседу вошла в комнату Анны.
 – Ласточка, ты спиши?
 – Нет, Меседушенька.
 – Тебя хочет видеть он.
 – Не пойду, – ответила Анна
 – Нельзя. Когда зовёт имам, все должны идти.
 Девушка встала. Не подобрав распущеных волос, накинула чёрный шарф. Низко склонив голову, стала перед повелителем.
 – Садись, – сказал Шамиль.
 Девушка опустилась на ковёр.
 – Посмотри на меня. Разве ты не рада моему приезду?
 Анна молчала.
 – Тебя никто здесь не обижал?
 – Нет, – качнув головой, ответила она.
 – Ждала меня?
 – Да.
 – Меседу говорит, что ты научилась свободно читать Коран. Я очень рад твоим успехам и думаю, что скоро предпочтёшь единобожие многобожию...

Анна продолжала молчать.

– Ваш народ наделил Бога человеческим обликом, придумал Отца, Сына и Матерь Божию. Неверные обожествляют и людей, молятся нарисованным на бумаге или дереве божествам – это же идолопоклонничество! Говорят, ваши храмы увешаны изображениями божеств и святых, а кто их видел? Мы не рисуем своего Аллаха, ибо он не может быть во плоти, он незрим, неощутим, недосягаем. Весь мир, всё живое создано им. Тот, кто не заблуждается, признаёт единобожие и учение, переданное им в минуты откровения Пророку. Прими ислам. Тогда сделаю тебя женой – госпожой моего сердца. Я люблю тебя очень. Даже в минуты жарких схваток твой образ являлся передо мной, он был со мною повсюду днём и ночью, наяву и во сне. Страшная, необъяснимая сила влечёт меня к тебе. Вот и сейчас хочется прижать тебя к груди, осыпать нежными поцелуями, обласкать, как прирученную лань, но я не могу коснуться тебя, ты христианка. Никогда никого, кроме Бога, не умолял, а тебя молю – прими ислам.

Анна продолжала молчать. Её лицо, шея были залиты румянцем смущения.

– Иди, подумай, утром дашь ответ через Меседу.

Сердце не обманывало Шамиля. Оно почувствовало ещё до похода неравнодушие пленницы. «Она будет моей женой, примет ислам», – сказал Шамиль, открывая книгу стихов восточных ашугов. Он читал песни о любви. Из многих женских имён, выбираемых им, он остановился на Шуанат. Оноказалосьозвучным с именем Анны.

С нетерпением ждал имам ответа. Когда вошла Меседу, он по её весёлому лицу понял, что Анна дала согласие.

– Сегодня же. Не будем откладывать, – сказал Шамиль.
 – Пусть позовут ко мне Хаджияву, надо распорядиться обо всём.

К обеду в дом Шамиля прямо из мечети пришли муфтий, кадий, другие представители духовенства. Они сидели в гостиной. Мать Шамиля и тётушка Меседу

ввели Анну с закрытым лицом. В красном шёлковом платье, в зелёных атласных шароварах, отделанных золотистым сутажом, в белом платке, она стояла, не видя тех, кто был свидетелем её обращения в ислам и регистрации брака с Шамилем по шариату.

Когда муфтий – глава чеченского духовенства – протянул руку Анне, мать имама взяла девушку за правую руку и положила её на ладонь муфтия.

– Повторяй, – шепнула Меседу.

Муфтий произносил по-арабски слова, непонятные ей, девушка механически повторяла их.

– Ты согласна стать женой Шамиля – сына Доного Гимринского? – спросил наконец муфтий.

– Да, – тихо ответила Анна.

В торжественной тишине звучали два голоса: грубый, гортанный – кадия и певучий – Анны.

Закончив обряд обращения в ислам и бракосочетания, закреплённого печатью и подписями свидетелей, кадий сказал Анне:

– Отныне ты наречена именем Шуанат и являешься законной женой лучшего из мужей Дагестана и Чечни – гимринского Шамиля.

Мать имама поспешила вывести девушку. Ожидавшая за дверью Меседу обняла её, поднесла дары. Многие жёны родственников и друзей явились поздравить новобрачную. Только Патимат не подошла к ней.

Шуанат увела в комнату. Эддит, увидев свою воспитанницу в горском наряде, расплакалась. Надежда на освобождение из плена была окончательно утеряна. В последнее время, видя перемены в поведении Анны, англичанка замкнулась. И до этого она не отличалась особой общительностью, в отличие от добродушной Анны. Эддит не пыталась отговаривать девушку, убедившись, что в сердце её пробудилось не простое увлечение юности, а настоящая, осмысленная любовь к мужчине, не похожему на многих.

Имам был равнодушен к увеселениям. На свадьбы приходил редко, чувствовал себя стесненно, особенно теперь, когда старинные обряды должны коснуться его.

Своему управляющему Хаджияву сказал:

– Пожалуйста, сделай всё, что полагается, только прошу закончить свадьбу за день, не созывая людей издалека.

Весь день он провёл в библиотеке. Здесь встречал почтенных старцев, пришедших поздравить его с бракосочетанием. Здесь угощал, дав молодёжи возможность попеть и поплясать в кунацкой. Невеста тоже не выходила из девичьей. Она сидела в углу, как горянка, с закрытым лицом, в окружении девушек и женщин. Гостей на свадьбе было мало. Разгулявшийся накануне буран занёс тропы и дороги, намёл большие сугробы в лощинах и ущельях. Шамиль радовался непогоде. Салих и другие юноши с утра разнесли немощным, сиротам и бедным вдовам мясо и другие угощения. К вечеру ветер разогнал тучи. Из-за ключьев разорванных облаков выплыла луна. Её мягкий свет, отражённый снегами, рассеял мрак зимней ночи.

Из кунацкой ещё доносился шум веселья, когда Меседу, подойдя к Шуанат, сказала:

— Пойдём, дочь моя, да будет благословенным этот час!

Шуанат, вздрогнув, поднялась и послушно последовала за тётушкой Шамиля, которая привела её в маленькую спальню имама.

— Доброй ночи вам! Сына-первенца! Долгих лет согласия!

Когда Меседу ушла, Шуанат откинула с лица лёгкий шёлковый платок, оглядела комнату. Несмотря на отсутствие мебели, здесь всё казалось уютным — от тепла до пёстрых ковриков, которыми были увешаны стены, устлан пол. В одном из углов спальни на полу была разостлана постель.

Шуанат подошла к стенной нише, где горела лампа, прикутила её и встала у окна. За окном было светло как днём. Казалось, под неугомонные звуки зурны плясал ветер, поднимая шум в лесной чаще.

Сердце у Шуанат заныло от нахлынувших дум. Ей вспомнился день, когда она, в подвенечном платье, газовой фатае, с букетом белых роз, садилась в карету. Рыдала мать, плакали подруги. Под нежные звуки восточных мелодий бойко отплясывали захмелевшие парни. На лёгких карабахских скакунах гарцевали моздокские кавалеры и сваты, присланные женихом из Ставрополя. Карета, сопровождаемая нарядной толпой провожающих, катила к окраине города. За нею следовали подводы, груженные приданым, рядом ехали верховые. Кавалькада присоединилась к обозу, следовавшему в Ставрополь. В те минуты она видела себя в роли молодой генеральши, утопающей в роскоши, сверкающей красотой на весёлых столичных балах. И вдруг в течение нескольких минут всё оборвалось и перевернулось. Судьба занесла её в неведомый край, к незнакомым племенам. Тогда Анна молила Бога, чтобы он ниспоспал ей смерть. Её лихорадило от одной мысли об абреках, жизнь которых описывалась ужасной, а нравы — дикими. Их вождя она боялась пуще огня. Он представлялся ей полузверем, одетым в невыделанные шкуры, вооружённым луком и стрелами, с глазами, мечущими молнии, с голосом, подобным разрядам грома.

Каково же было ее изумление, когда она увидела строгого, хорошо одетого стройного горца средних лет. Она была поражена белизной его рук, чистотой его ногтей и каким-то необыкновенным взглядом, в котором гармонично сочетались спокойствие с пылкостью, доброта со строгостью, простота с мудростью.

Наконец она была не только пленена его рыцарским благородством, но и полюбила его. И всё же где-то в

глубине сознания тлели угольки вспыхнувшего когда-то страха перед ним. Теперь, когда она стала законной супругой имама, правителя чуть ли не половины Кавказа, кто знает, какими страстями он наделён, что проявится в его отношении теперь. Единственная дочь моздокского богача, изнеженная, заласканная, Анна боялась даже холодного взгляда. В минуты тоски она жалась к гувернантке или Меседу, успокаивалась, когда женщины гладили её голову, плечи, руки...

Она не шевельнулась, когда скрипнула дверь. Мягкую поступь его легкой походки Шуанат осязала. Вот он подошёл, осторожно стал рядом с ней.

— Ласточка моя! — Рука мужа скользнула по гладким волосам девушки. Шуанат закрыла глаза, откинула голову. Она почувствовала горячее дыхание, губы его едва коснулись ее бровей, глаз, щёк. Этот сильный большой мужчина ласкал её так нежно, так бережно, как будто перед ним был младенец.

— Боже мой... — прошептала Шуанат, млея от счастья.

— Не говори больше так. Скажи: «О Аллах!» Благодари его за эту ночь, за то, что сердцам нашим суждено достичь вершины блаженства в порыве обоюдной любви. Это блаженство подобно райскому... — шептал он.

Шуанат доверчиво обвила его шею. Шамиль взял её на руки...

Короткой показалась им ночь. Под утро, смыкая усталые глаза, Шуанат сказала:

— Обещай исполнить одну мою просьбу.

— Обещаю, — ответил Шамиль ласково.

— Прошу тебя, подари свободу Эддит, отправь её в Моздок, оттуда, может быть, она вернётся на родину. Иначе она умрёт от тоски.

— Хорошо, я освобожу твою учительницу. Откуда она родом? — спросил Шамиль.

— Есть такая страна — Англия, может быть, слышал о ней?

— Слышал, что, помимо Турции, Ирана, Аравии и России, существуют страны Англия и Франция, которые находятся за морями, населены племенами иноверцев. Только не могу понять, каким образом судьба занесла эту женщину в наши края? Мужчину — воина или мастера — может забросить на чужбину нужда или необходимость... Что могла искать Эддит в Моздоке?

— Её выписал мой отец из Петербурга, из столицы, в которой живёт царь, специально, чтобы учить меня языку и хорошим манерам, — пояснила Шуанат.

— Хорошим манерам и поведению дети должны учиться у своих родителей, если они порядочные люди. А что касается языка, знать любой необходимо и полезно даже неучёным. Одно не нравится мне у твоей учительницы — непокрытая голова и оголённая шея. Слава Аллаху, что хоть платье носит до пят, а то без длинных шаровар была бы срамота одна... — рассуждал Шамиль.

Через неделю после свадьбы англичанку Эддит усадили на скрипучую арбу, поскольку она отказалась сесть на лошадь, и повезли в сторону Моздока, к царскому тракту. Когда показался город, возница и сопровождающие англичанку верховые остановили арбу. Эддит сошла с неё, взяла узелок с вещами и, не оглядываясь, поспешила в сторону крепости...

Барият Мурадова, народная артистка СССР

Кажется, сама богатая природа горного края располагает к удивительному многообразию палитры народных ремёсел. Рукотворное искусство умельцев – гончаров, златокузнецов, оружейников, ювелиров, ковровщиц – запечатлело время, отразив мысли и чувства мастеров в уникальных произведениях народного творчества. Они – словно отражение национального своеобразия народов Дагестана.

Сам Бог велел родиться на этой земле народу, создавшему и пронесшему через тысячелетия присущий только ему особый стиль ковроделия, вызывающий восхищение каждого нового поколения.

Бесханум Пирмурадова... Нет ее среди нас, современников нового века. А вот работы знаменитой ковровщицы живут своей жизнью, радуя глаз необыкновенным мастерством, густой палитрой волшебных цветов, замысловатым узором, орнамент которого несет в себе энергетику древних мастеров.

– Детство, какое оно было у нашей мамы? – задумывается ее дочь Зайнабханум. – Непростым, наполненным ежедневным трудом за станком. Первые мои воспоминания: мама вместе с нашей бабушкой садилась за ковер, а мы, дети, ждали, когда же нас допустят к станку, на котором вывязывались узелки, рождающие волшебные узоры. Это, знаете, в крови твоей, в образе жизни, мышлении, когда все в жизни вертится вокруг завораживающего душу мастерства, желания овладеть на выками ковроткачества. Мама была необыкновенным трудоголиком

и живым примером того, как надо относиться к своему делу.

Она окончила ковровую школу в Дербенте, стажировку проходила аж в самой Москве, окончив там дизайнерские курсы. В столице жила у дяди, художника Омара Ханмагомедова. Много лет проработала она главным инженером Кандыкской ковровой фабрики, старшим инженером коврово-производственного объединения Хив.

– Мои первые воспоминания о маме обрывочные, я ведь самая младшая в семье была, – вспоминает Зайнабханум. – Но они сохранились в сознании как особое настроение, чувство какой-то удивительной атмосферы, когда и ты ощущал себя взрослым человеком, частью большой семьи.

Как в настоящей табасаранской семье, у нас было много детей, – улыбается Зайнабханум, – шесть девочек и четыре мальчика. Мы жили непростой жизнью, но она была наполнена радостью труда. И этим была крепка.

Моя собеседница задумывается:

– Мама рассказывала, что, когда пришло время и ее выдали замуж, она осталась в родном селе. Помню, у нас в доме было два ткацких станка,

один из которых – двухметровый. Он располагался в летней кухне. И часто мы все, шесть девочек, садились за этот станок, чтобы научиться ловкости, необыкновенной скорости, с которыми работала мама. Для нас это была настоящая творческая «школа». Мама, немногословная, сдержанная, воспитывала нас трудом. Достаточно было одного ее взгляда, чтобы понять, когда она тобой довольна, а когда сердится.

В сезон, бывало, наша семья ткала по восемь ворсовых ковров. Это был рекорд, ведь работа ковровщицы – трудоемкая, требующая терпения, выносливости, характера. Камвольные ковры, ворсовые, безворсовые сумахи – все это было ей под силу. Она слыла необыкновенной мастерицей! Ведь ковер только тогда считается настоящим, когда сохраняется сложная орнаментальная композиция, соблюдаются технические достоинства, используются натуральные растительные краски. Например, цвет, полученный из коры дуба, корней растений не подвергается обесцвечиванию, вы хоть в кипяток окуните ковер! Красный цвет и его оттенки давала марена, синий получали в разные времена

из привозного индиго, желтый – из луковой кожуры, коры барбариса, зверобоя, душицы. А кожица и кора дерева ореха давали целый спектр цветов – от светло-желтого до болотного, коричневого, черного. Наши предки, ковроделы-табасаранцы, владели этим искусством в совершенстве.

И сегодня Зайнабханум со своей сестрой Изаят в разное время года выезжают в село, чтобы собирать травы, сохраняя традиции древнего ремесла. Ведь только природные красители придают ковру особое очарование, самобытность и красоту. Зайнаб, рассказывая о себе, рассуждает, что иначе и быть не могло, что она не могла избрать другое дело.

– Понимаете, мама оставалась для нас высшим примером, – замечает она, – мы так гордились ею! В нашем семейном архиве хранятся почетные грамоты Президиума Верховного Совета ДАССР, престижные профессиональные награды.

Наша мама – автор многих ковровых орнаментов, она получила в 1967 году золотую медаль на международной выставке в Лейпциге за ковер «Дары Дагестана», считалась одной из лучших ковровщиц республики. А ее авторский ковер выдержал конкуренцию с уникальными изделиями из Ирана, Туркмении, Пакистана.

Зайнабханум напоминает, что в свое время Бесханум учили ее мать Гюлжихан, бабушка Пери, и вот так, передавая из поколения в поколение искусство ковроткачества, на протяжении веков сохраняли древний промысел.

Она вспоминает, что первые ковровые артели были созданы именно в Табасаране, в селениях Кандык, Межгюль, Ляхла. Тогда лезгинские, табасаранские ковры славились, на них существовал госзаказ, составлявший более тридцати процентов коврового экспорта страны.

– Можете себе представить, как работали ковровщицы? Труд-то был ручной. И мы прославляли Дагестан, с которым заключались многомиллионные контракты на изготовление ковровых изделий.

А вот в 90-е ковровое производство сошло на нет, исчезли госзаказы, прежние рынки сбыта, а традиционные изделия мастерниц были выте-

снены искусственной синтетической штамповкой.

Да, это были трудные времена. Но именно тогда моя сестра Изаят Меджидова, потомственная табасаранская ковровщица, реставратор, член Союза художников и Союза дизайнеров РФ, на тот момент директор Хивской ковровой фабрики, взялась за возрождение древнего искусства. Она говорила: «Я, Изаят Меджидова, потомственная табасаранская ковровщица из селения Кандык Хивского района, дочь прославленной Бесханум».

Зайнабханум говорит о главном: ее мать, Бесханум Пирмурадова, а теперь они, ее матери, сохраняют и продолжают в более совершенных формах культурное наследие, создавая современные произведения, возрождая в них древнее искусство предков.

– Изаят – учитель русского языка, – замечает она, – наша мама ведь так мечтала о высшем образовании для своих детей, но сестра взяла на себя миссию продолжить стезю ковроткачества. И другие сестры – Мая, Зоя, Маяханум – все в семье прошли «школу Бесханум».

– Сегодня я, как и моя сестра, работаю реставратором в Дагестанском музее изобразительных искусств, – продолжает Зайнабханум. – Работа наша кропотливая, требующая высочайшего профессионализма, сосредоточенности, глубоких знаний, упорства. В свое время сестра Изаят взялась восстанавливать и древнее искусство кайтагской вышивки в так называемой технике «настил вприкреп», дав вторую жизнь забытому уникальному виду техники. Работы эти вы можете увидеть в нашем музее. И сегодня этим ремеслом владеют кайтагские мастерицы, создавая настоящие произведения искусства. А дизайнеры используют кайтагскую вышивку для одежды в этностиле. Технологии искусства обучаются на худграфе ДГПУ, в детских школах искусств, организуются выставки, появляются публикации.

Зайнабханум помогает сестре создавать новые виды ковроткачества, выполняя технически сложные ковровые рисунки на основе старинных орнаментов. Открытие потомков Бесханум в искусстве

ковроткачества – создание первого в мире шелкового сумаха.

Вот так, восстанавливая по крупицам искусство дагестанских мастеров, наследники Бесханум идут по жизни. Зайнабханум в свое время окончила худграф ДГПУ, дипломную работу защитила по ковроткачеству. Как водится, поработала «надомницей», со временем с семьей переехала в Махачкалу, занималась реставрационными работами по текстилю, тканям. Реставратор, творческая личность, она создала новый, более экономный способ ткачества сумахов, получила патент, внедрила его, наладив таким образом производство сумахов из натурально окрашенной пряжи с двойным закреплением. Иначе как подвижническим такой труд не назовешь.

Могла ли мечтать Бесханум, что искусство ковроткачества получит столь достойное продолжение? Летопись ковроткачества не закончится, пока есть в горном краю такие мастера, для которых сохранение традиционных ремесел – словно глоток свежего воздуха.

Семья Бесханум – сама по себе уникальное явление. Она, не замыкаясь в традиционном виде ковроткачества, идет дальше, экспериментирует, расширяя круг единомышленников, друзей, близких, которые ткут неповторимые по красоте ковры, создавая выставочные, коллекционные произведения. И мечтают создать в республике Центр дагестанского традиционного ковроткачества, включая экспериментальную лабораторию, создавая площади под выращивание красильных растений, цеха для окрашивания пряжи, чтобы создавать уникальные ковры на уровне промышленного производства. Есть ли у них для этого силы? Кажется, они готовы горы свернуть. Но это ведь задача общая. И как не помочь этим подвижникам в сохранении, создании новых образцов ковроткачества, в пропаганде искусства, что нам передали предки, и прежде всего – мастерица Бесханум.

Айшат ТАЖУДИНОВА

Шейит-Ханум Арсланалиевна Алишева (1947) – народный поэт Дагестана, художник, переводчик и публицист. Секретарь правления, руководитель кумыкской секции Союза писателей РД. Работала редактором кумыкского выпуска журнала «Женщина Дагестана». В настоящее время редактор кумыкского выпуска журнала «Соколенок». Член СП России, Союза журналистов РФ. Заслуженный работник культуры РД. Лауреат госпремии РД им. Р. Гамзатова. Автор более двадцати книг стихов, нескольких книг для детей.

Шейит-Ханум АЛИШЕВА

Женщина в любви!

Это мой дом, это мой очаг –
Ладонями хранимы уголья в стужу.
Озарен любовью свет в очах,
И смеха звон – оберег
Для детей, для мужа.
Всевышний, прости
Высокопарность строк...
И при шторме грести,
Предчувствовать порог,
Свет с тенью плести,
Удар, залог, предлог
Во взгляде прочесть,
На короне – краса,
На троне – честь.
Лучик солнца – в глаза,
На ладонях – роса.
В смехе, в слезе
Материнства суть.
Не сутулясь нести,
Не падая ниц!
Из глубоких корней
Любви в женщины расти
Ты даёшь – без границ!
Всевышний, прости!

И имя твоё...

Оживают рыбы
на ладонях, отец!
Встрепенулся от всплеска
одинокий камыш,
Подплывает по изумрудной воде,
отец,
К внуку твоему сыном стать, малыш.
И тот пруд половодьем
забурлил, отец,
И тот берег
радужным фонтаном залил!
И первый крик рожденья –
золотой венец
На имя твоё –
Арслан-али!..
Соскользнули рыбы
с ладоней, отец!
Вздрогнул и всхлипнул
одинокий камыш,
По изумрудной воде
уплывает отец
С именем твоим,
правнук твой, малыш...

В молитвах истовых!

И солнце приветствую
стоя нечасто.
Добро иногда
ловлю на весах.
И движенье рук
без моего участия
Чурек разломает без «Биссиллах».
Спасёт ли меня
Этих красок цвет
Как очищенье,
Как излеченье?
Возродят ли во мне
не мой яд –
а мой свет
По капле из тьмы?
По лучу к свеченью?..
Растекаясь вольно
по белому листу,
Приобретёт ли форму
древа ветвистого?..
Воскреснет ли душа моя
В молитвах моих истовых?..

В ком души я не чаяла

В ком души я не чаяла –
снежинкой таяла
и на ладонь – каплей мутной,
в глаза – тенью блудной,
в память – нотой нудной...
... В ком души я не чаяла –
к схватке со мною в отчаянную
стали позу
и в лицо – перчаткою,
в сеть – поэзию и муз журчанье,
сняли прозу
с опечатками...
... В ком души я не чаяла
(их не счасть!)

с вершины моей
оползнем сползла...
Не вершила месть,
Не желала зла...
... В ком души я не чаяла,
обрекая на печаль,
с гребня жизни на берег
лодку мою причаливают...

На дуэль...

...И ты вызывал меня на дуэль
Стреляться без промаха,
в цель.
Изрешетил меня, как знал,
как умел.
И распластано тело
на поле белом.
И вороньей стае
выклевать не захотелось
глаз моих, что черно и опустело
в небо не глядели.
А коршуну моё сердце
не надобно стало –
разбитое вдребезги,
посмертно усталое...
И кровь расплывилась
по степи полынной,
И спина распрямилась
меж корней былинных.
А чувства, что болью, любовью
и счастьем зовутся,
ныне глупо отсталые –
быть может, памятью
когда-то отзовутся?!.
...И вновь вызываешь
меня на дуэль,
стреляться в упор,
без промаха, в цель!..

Остановлюсь на этой ноте!

Остановлюсь на этой ноте...
...Эхо в пчелиных сотах
Струится в дальний нежный шёпот.
Пыльцой лучистой затаился
В перекрёстных узах древний опыт...
...Остановлюсь на этой ноте.
Душа сбивается с пути,
Рвётся паутина слов,
Что легки, что не прочны.
Велено было сойти
В девять кругов вещих снов,
Где плод запретный алый, сочный...
...Остановлюсь на этой ноте.
Навзрыд надрывный крик на взлёте,
Визжит капель, бросаясь с чаши,
Глыбу каменную точит,
«Мы умерли с любовью нашей...»
Тень на обочине хохочет
И этот лист,
Не видишь, кровоточит!..
...Забываю, где ты, кто ты?!
Остановлюсь на этой ноте!

Облачусь я...

...Облачусь я в белые одежды –
Обличу я былые надежды,
Что с корнями судьбы не срослись
Пробивать путь к свету,
Чтобы крылья сердца взрастить
К неземным полётам.
Не разрывали путы с ног
Круг за кругом,
Не ступали за порог,
друг за другом.
Быльём порастало,
что не стало былью,
Осело на память пеплом и пылью...

...Облачусь я в алые одежды –
Облечу я былые надежды,
В отблесках солнца чётный ряд
Золотом, пурпуром колышет
наряд –
Дом, семья, очаг, дети и внуки,
Журчанье реки, свирели звуки... ...
Моё горе,
Мои беды,
Страдания и муки –
Всевышнего надежды,
Чтоб познала жизнь сполна,
Чтоб взяла себя я в руки,
Выстояла!
(Иначе – как расплачусь?!)...
...Травой земле, птицей небу,
Любовью к людям возвратиться –
В изумрудные одежды облачусь!

Кадр из фильма

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ...

Многое из того, что уготовила ей судьба, может показаться своеобразной сказкой. Но она считает, что все сложилось так, а не иначе, благодаря ее характеру – твердому, решительному.

Диву даешься энергетике, а еще – необыкновенной живости, что присущи этой уникальной женщине, истинной горянке.

Она встретила меня в своем кабинете заведующего кафедрой акушерства и гинекологии ДГМУ – эффектная, легкая, а еще очень позитивная. И на мой вопрос – «изменила бы она судьбу?» – засмеялась, легко, по-девичьи живо: «Почему бы и нет!»

Такая она, Тамара Хаджимурадовна Хашаева. Легенда? Вне всяких сомнений. Но она сама не любит такого вот обожествления. Она живая, современная и живет не прошлым, а будущим, и в этом – секрет ее завидного оптимизма.

Возраст? Да она его вовсе не ощущает, только посетовала на то, что злополучная пандемия вовсе не повод, чтобы отвлекаться от работы, которой всегда невпроворот. Вот и во время нашей беседы ее помощница настойчиво посматривала на часы: Тамара Хаджимурадовна планировала заседание кафедры. Ненадолго задумавшись, она, вспоминая близкое и далекое, рассказала о своей семье, судьбе, испытаниях...

Ее родители – известные в республике люди: мама, Александра Прокопенко, – врач-педиатр, отец, Хаджи-Мурад Хашаев, обладал завидной целеустремленностью, да такой, что умудрился в 19 лет стать народным судьей; затем последовала карьера секретаря ЦИК, прокурора республики. Талантливый во всем, со временем он сформировался как крупный ученый, доктор исторических наук, автор фундаментальных трудов по истории Дагестана, заслуженный деятель науки РФ, зампред Дагфилиала РАН.

– Необыкновенный красавец, – улыбается Тамара Хаджимурадов-

на, – в молодости на него засматривались все девчонки, бегавшие в суд, как на смотрины.

В благополучной академической семье как-то сразу решили, что карьера дочери может состояться только в медицине.

– Нет, я ни разу не пожалела, что выбрала врачебную стезю, – замечает Тамара Хаджимурадовна, – мне все было интересно, мечтала стать гинекологом, хотя любила и офтальмологию.

Мечтала ли она об актерской карьере? Да нет, конечно. Все получилось помимо ее воли...

Однажды к ней прибежала подруга Дина, дочь писателя Наримана Алиева, и с придыханием, глотая от волнения слова, сообщила, что приехала съемочная группа из Свердловска и подыскивают кандидатуру на главную роль в фильме «Тучи покидают небо».

– Дрогнуло ли сердце? Нет, не дрогнуло, только вдруг проснулся азарт, и мне захотелось испытать судьбу, – рассказывает она. – Первый вопрос, который задали: умеет ли будущая актриса петь, танцевать, а потом попросили, чтобы пришла на фотопробы. Помню, отец, опасаясь, что я могу неожиданно сорваться в Москву, саркастически среагировал на неожиданное предложение, заметив, что два яблока в одной руке не удержишь. Но историю с кино я восприняла как нечто такое, что может увлечь, но никак не развернуть жизнь в профессию, далекую от сложившихся представлений о будущем.

В общем, так и вышло. Спустя много лет Тамара Хаджимурадовна вспоминает, что ей была интересна техническая сторона съемок фильма, а еще то, что ее избранник в фильме действительно влюбился в нее, но она это всерьез не восприняла, заметив, что, когда снимали фильм, ему подставляли скамейку, поскольку он не дотягивал до ее плеча.

– Я попробовала, что же это такое – кино, и чем оно так притягивает моих ровесников, – вспоминает Та-

мары Хаджимурадовна. – Меня оно так и не захватило, хотя я снималась вместе с такими величинами, как Барият и Соня Мурадовы, Тажутдин Гаджиев, Шарав Манташев. Помню, позже меня пригласили в Азербайджан на съемки фильма «Лейла и Меджнун». Но я отказалась, меня это больше не интересовало.

Будущий врач была круглой отличницей, впереди маячила научная карьера, и все ее внимание было направлено на учебу. Но имя Тамары Хашаевой уже было занесено в летопись культуры, и артистку отправили на декаду культуры Дагестана в Москве. Ох, как гремели тогда национальное искусство, исполнители народной песни, апоэты, писатели многоязычной страны переводились на многие языки мира! Тогда же Тамара Хашаева по приглашению Танхо Израилова солировала в знаменитой «Лезгинке». Там же, на декаде, встретила своего избранника, выходца из Чародинского района, он пел в народном хоре и сразу влюбился в знаменитую красавицу.

– Все произошло так стремительно, что мы и не поняли, как оказались в загсе. И вернулись в Дагестан супружами, а когда меня пришли встречать на вокзал мама

с бабушкой, я сказала: «Поздравьте меня, я вышла замуж».

Да, решительности ей было не занимать всегда и во всем! Она смеется:

– Аварский характер, отец был родом из высокогорного села Могох Советского района, в него пошла, наверное.

– Трудно пришлось в жизни? – спрашиваю.

– Да я, знаете, крепкая была, мне казалось, что я справлюсь с тем, что мне интересно. Воспитание родительское было такое: человеку все по силам, и, если ставишь цель, – добивайся! С профессиональным выбором определилась к концу учебы – клиническая ординатура по акушерству и гинекологии.

Но было бы удивительно, если бы все пошло по накатанной колее... Имя Мурата Аслановича тогда гремело в медицинском мире. Его отец, Аслан Вагабович, считался знаменитостью: хирург, заслуженный врач Дагестана и РФ. Мать его, Патимат Даудовна, из семьи инженера, выпускница петербургских Петровско-Разумовских курсов, – первая женщина-горянка, окончившая женскую гимназию. Могли сын не пойти по отцовским стопам? Ученый до мозга костей, с яркой, эффектной внешностью...

Его лекциями заслушивались студенты.

— Это было земное притяжение, — задумчиво говорит Тамара Хаджимурадовна, — я влюбилась, и это чувство оказалось обоюдным.

А когда Тамара Хаджимурадовна уехала в Москву, то Мурад Асланович последовал за ней. Кандидатская диссертация молодого ученого была посвящена эффективному применению грязей при воспалительных процессах половых органов, в последующем докторская получила продолжение по проблеме климактерического синдрома у многорожавших женщин. Тогда малоизученная область медицины, касающаяся специфики патологии дагестанской женщины, вызвала широкий интерес у академической медобщественности.

Но путь до академического доктора наук оказался непростым. Можно ли было добиться результата, не вложив в свое дело сердце, душу и тот научно-исследовательский поиск, что отличает настоящего ученого, для кого наука — космос без начала и конца?

Кажется, можно было бы считать Тамару Хаджимурадовну не просто состоявшимся, но успешным ученым: заслуженный деятель науки Республики, заслуженный врач России, лауреат госпремии Республики

Дагестанской национальной академии.

Но для этой удивительной женщины никогда не существовало каких-то ограничительных линий, для нее было важно не просто соответствовать академическим стандартам. Ведь так или иначе ей приходилось идти бровень со своим супругом, ученым с мировым именем.

Мурад Асланович — ученый, академик, блестящий аналитик, широко известный в кругах мирового медицинского сообщества, создал дагестанскую школу акушерства и гинекологии. Член-корреспондент, академик МАИ, заслуженный деятель науки РД и РФ, доктор наук, профессор, лауреат госпремии Дагестана, он стал инициатором создания первого перинатального центра на базе РКБ в Махачкале. Он же член Международной и Европейской ассоциаций акушеров-гинекологов, почетный член зарубежных научных обществ.

Но Тамара Хаджимурадовна никогда не оставалась в тени знаменитого мужа. В этом и состоит достоинство, так трудно достающееся в научной деятельности, в которой она никогда не была во втором эшелоне — только в первом. Тамара Хашаева всегда могла дать фору сильным клиницистам, и

сегодня ее острый ум — молодой, ищущий, готовый воспринять все новое, что можно отнести к самым современным достижениям инновационной гинекологии. Блестяще владея английским, Тамара Хаджимурадовна читала лекции по приглашению Американской ассоциации женщин города Литл-Рок, штат Арканзас, в местном университете. У нее до сих пор хранится диплом почетного гражданина этого штата, подписанный тогда сенатором Биллом Клинтоном, и в очередной рабочей поездке в США он помог ей беспрепятственно получить визу.

Яркая жизнь, полная научных открытий, общение с мировыми величинами... Но главным достижением своей семьи она считает детей, уже солидных ученых. Старший, Аслан, окончил ДГМИ, стал доктором наук в сорок лет; позже окончил Академию народного хозяйства имени Плеханова, занимается бизнесом. Второй сын, Наби, защитился в тридцать лет, он профессор, заведующий кафедрой. Дочь Мурада Аслановича, Зарифа, блестяще защитила кандидатскую. Дочь Тамары Хаджимурадовны, Виктория, живет в Германии, она успешный врач-окулист. И сегодня уже внуки продолжают путь в большую науку, в которой им есть на кого равняться. В семье Омаровых семеро внуков и пять правнуков. И три поколения докторов наук...

На ее рабочем столе — портрет индийского божества Саи Бабы, а любимая книга — «Беседы с Богом» Доналда Уолша, которую называют Библией третьего тысячелетия. Один из постулатов этой книги — «Самая Высокая Мысль — всегда там мысль, которая содержит радость. Самые Ясные Слова — те, что содержат истину. Самое Великое Чувство — то, которое вы называете любовью» — как ничто другое характеризует нашу героиню, одну из самых замечательных женщин Дагестана.

Айшат ТАЖУДИНОВА

ВСЁ ДЛЯ ЛЮДЕЙ!

Наш небольшой очерк – о достойной представительнице одного из народов нашей многонациональной республики Байранкиз Булгаевой, замечательной агульской женщине. Родилась она в 1916 году в бедной ричинской семье, где кропотливый труд от зари до зари – не для почёта, по жизненной необходимости полагался. Школьная наука для девочки была ограничена тремя классами: читать-писать умеет, и ладно! С утра до ночи она хлопотала, помогая матери по хозяйству в доме: летом – на заготовке кормов, уборке урожая, а зимой – в уходе за скотом.

И без того небеззаботную юность Байранкиз Булгаевой опалила война. В судьбоносные для нашей страны военные дни, когда мужчины ушли на фронт, она вместе со стариками, женщинами и детьми без устали, до кровавых мозолей, работала в колхозе имени Сталина. «Всё для фронта, всё для Победы!» – для нее эта фраза была не просто лозунгом, а смыслом жизни, «приправленным» голодными обмороками во время сенокоса, жатвы. Работы не останавливались даже лунными ночами. На хрупкие плечи Байранкиз навалилась такая работа, которую не каждый мужчина выдержал бы.

Когда враг в 1942 году рвался на Кавказ, угрожая Дагестану, Байранкиз вместе с десятками горянок из Рича записалась на трудовой фронт. Девушек погрузили на грузовик и повезли на строительство оборонительных рубежей. В тяжелейших условиях непогоды, голода, сменяя друг друга только на короткий сон, они корчевали лес, рыли окопы, разгружали вагоны с цементом и гравием, трудились на строительстве

аэродрома у города Моздока. Даже привыкшие к непосильным нагрузкам и лишениям девушки порой плакали от отчаяния и бессилия, но они выполнили задачу – укрепили каждую тропинку и превратили подступы к Дагестану в неприступные крепости.

За трудовые достижения в годы войны Байранкиз Булгаева была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Подвиг юных девчонок, защищавших свою землю героической работой в тылу, невозможно переоценить. Наши горянки просто выполняли свой долг – они не могли иначе.

С наступлением мирной жизни не по годам взрослая и умудренная тяготами войны Байранкиз стала работать в колхозе дояркой и сразу влилась в производственный коллектив. Уже через пару лет она по праву считалась лучшей дояркой колхоза. Любовь к своему делу, к людям, с которыми она работала, к животным, за которыми ухаживала, – это было в ней заложено с рождения с колыбельными напевами,

со свежестью горных лугов и ручьев, с веселыми сельскими свадьбами и хрустящим ароматным хлебом из глиняной печи.

О её успехах в молочном животноводстве неоднократно рассказывала районная газета. А успехи, как говорится, не приходят сами собой. Много сил, труда, стараний пришлось приложить этой женщине, чтобы добиться хороших результатов. В стареньком, продуваемом всеми ветрами коровнике, без элементарных условий, без электричества и воды, частенько приходилось вручную доить коров, раздавать корма, убирать навоз, ухаживать за телятами. Летом на альпийских лугах, куда перегоняли стадо, после дойки перед ночным выпасом стада, приходилось грузить и неподъемные фляги с молоком. Работала она не жалуясь, не ворча, напротив, всегда находила теплое слово для молодых работниц, шутила, даже пела, утверждая, что коровы больше молока дают под песни. Может, так оно и есть – надои молока были рекордно высокими, телята рождались здоровыми и резвыми, а рациональное кормление, тщательный уход и содержание обеспечивали высокие привесы молодняка.

Старики рассказывали, что она знала какие-то секреты – среди закрепленных за ней коров не оставалось ни одной яловой, все коровы телились ежегодно, а это новые высокие надои и слава родному колхозу.

Байранкиз была ударником труда, победителем соцсоревнований. Она из тех, про кого говорят: «Горит на работе».

За многолетний и добросовестный труд и большие успехи указом Президиума Верховного Совета СССР Байранкиз Булгаева была удостоена высшей награды страны – ордена Ленина, она единственная женщина в Агульском районе, отмеченная столь высокой наградой.

В наше непростое время, когда упал престиж человека труда, когда такие профессии, как доярка, телятница, стали непрестижными, мало оплачиваемыми, самое время вспомнить о трудовом подвиге Байранкиз Булгаевой. Тогда умели не только хорошо работать, но и отмечать наградами трудовые подвиги простых людей. Мы не имеем права забывать эту удивительную, самоотверженную труженицу. Забыть – значит потерять, как потеряны имена многих тружеников полей, ферм, простых людей, без которых на самом деле немыслима наша жизнь.

Меняются времена, меняются люди, нет той страны, но неизменной и ныне остается суть крестьянского труда. Как и тысячу, и сто лет назад, сельские жители выполняют привычную, но самую важную на земле работу – растят хлеб, разводят скот, доят коров, сажают сады...

**Алай НАСРУЛЛАЕВ,
член Союза журналистов России**

Кадрия

Кадрия Темирбулатова – ногайская поэтесса, переводчик (1948–1978). Родилась в селении Терекли-Мектеб Ногайского района ДАССР. Член Союза писателей СССР с 1977 года. Первые публикации Кадрии появились в 1965 г. на страницах районной газеты «Степной маяк». Автор книг «Горы начинаются с равнины», «Тропинка», «Песни юности», «Удивление» и других. Книга её стихов «Улыбка луны», переведённая на русский язык, удостоена республиканской (ДАССР) премии Ленинского комсомола.

* * *

Горел кизил на фоне белых гор.
Был полон счастьем плод, цветок – тоскою.
Я к высоте стремилась, на простор,
Искала совершенства и покоя.

Искала тайный смысл в своей судьбе,
Боль и восторг во мне сплетались снова.
Но с высоты
Меня манил к себе
Водоворот страдания людского.

Между безлюдьем и людьми найти
Я идеал хотела,
В то не веря,
Что мастеров на жизненном пути
Не сыщешь – есть одни лишь подмастерья.

Казалась мне багряной высота,
Когда в толпе я у подножья стыла.
Взглянула сверху вниз – и суeta
Особый смысл мне тут же приоткрыла.

Но маленьких камней напрасный бег
По склонам гор
Давно знаком вершинам:
У первой же преграды он навек
Затихнет, не достигнув середины...

На фоне гор кизил ещё красней,
Деревья скрыты – ни слезы, ни жеста.
В молчанье гор и в суете людей
Ищу секрет
Судьбы и совершенства.

Перевод с ногайского Т. Кузовлевой

Сраждин Батыров. Портрет Кадрии

Марина Анатольевна Ахмедова
(Колюбакина) (1952) – народный поэт
 Дагестана, переводчик, публицист.
 Автор поэтических сборников,
 переводов стихов и поэм народных
 поэтов Дагестана Расула Гамзатова,
 Сулеймана Стальского,
 Ахмедхана Абу-Бакара,
 Анвара Аджиева, Юсупа Хаппалаева,
 Муталиба Митарова и многих
 других. Заслуженный работник
 культуры России и Дагестана.
 Лауреат государственных премий РД.

Марина АХМЕДОВА

КАВКАЗСКАЯ МАДОННА

Мадонна – ты беженка в чёрном,
 В убогих лохмотьях вдова,
 Пред лицом твоим чудотворным
 Тускнеют любые слова.

Не солнечный нимб над тобою,
 А шквал ледяного дождя,
 Когда ты озябшей рукою
 К груди прижимаешь дитя.

Скажи, по костлявым руинам,
 Под дулами бронемашин,
 Сквозь лай автоматный и мины
 В какой ты Египет бежишь?

Ведь Ирод проклятый повсюду:
 В аулах, лесах и горах,
 А Господом данное чудо
 Лежит у тебя на руках.

Опять от наёмных холуев
 Спасти его хочешь тайком,
 Но горечь твоих поцелуев
 Впитал он с грудным молоком.

И завтра, когда возвратишься
 Ты снова к родным очагам,
 В душе твоей будет зтишье,
 А в нём – только гнев и тоска.

Мадонна, прижми его крепче,
 От зарева взор заслони,
 И русским солдатикам встречным
 Как мать на прощанье махни.

В молитве, быть может, последней
 Аллаха за них попроси,
 И в третье тысячелетье
 Дитя от войны унеси.

ЖЕНЩИНА И МОРЕ

Каждый день эта женщина ходит на мол,
 добираясь до самого края,
 и стоит там отважно одна среди волн,
 восходящее солнце встречая.

И когда вырастает пурпурный цветок
 из зелёной черты горизонта,
 зачарованно смотрит она на Восток,
 опьянев от морского озона.

Долгим взглядом потом провожает баркас,
 уплывающий в пламя восхода,
 и в мерцающей тьме золотых её глаз
 появляется детское что-то.

Что она потеряла и что здесь нашла,
 в этом каменном нагромождении валунов,
 что сверкают сильнее стекла,
 отражая нагие колени?

Но к чему задавать этот странный вопрос,
 на который не будет ответа?..
 Море лижет ей ноги, как преданный пёс,
 и бросает в объятия ветра.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Нине Маркграф и Наталье Лясковской

Две поэтессы, две мои подружки,
две русские – так, что русей их нет...
На самом деле – немка и хохлушка,
но оттого ещё роднее мне.

А я русачка, надо ж, как ни странно,
вдали от родовых своих корней
давным-давно в долине Дагестана
беспрекословно признана своей.

Аварка я, даргинка и кумычка –
и далее считай до тридцати...
Кавказские наречья и обычаи,
как будто жемчуга держу в горсти.

Мне в этом окружении не грустно
вдали жить от отеческих пенат,
поскольку здесь себя исконно русской
я ощущаю больше во сто крат.

Но иногда такая грусть нахлынет,
что от неё спасенья нет ни в чём...
Не по России, а по Украине,
где спят мои родные вечным сном.

Выхожу из привычного круга,
раздвигая плечом пустоту.
Ты кричишь мне: – Останься, подруга!
но срывается крик на лету.

И летит, как подстреленный ворон,
на границу меж злом и добром.
Кто ты?.. Муж мой, жених или ворог,
вероломно ворвавшийся в дом?

И зачем неприступные выси
променял ты на зыбкость ветвей,
золотые и чёрные искры
высекая из жизни моей?

Так не спрашивай у пепелища,
что за музыка там, за окном?..
Это ветер забвения свищет
и грохочет возмездия гром.

Зажимая ладонями уши,
поскорей уходи от окна,
чтоб спасти свою бедную душу,
даже если она не нужна.

Только губ моих сжатых движенье
принимать за ухмылку не смей...
Не смеюсь над твоим пораженьем,
над победою плачу своей.

БАКУ

«И, качаясь, идут валы от Баку до Махачкалы»

Борис Корнилов

Баку, Баку,
я не могу
забыть твой синий взор,
ветров твоих утробный гул
и бьющийся на берегу
полотнища костёр.
И гордых кипарисов ряд,
что как дозорные стоят
меж морем и землёй...
И на Девичьей башне вздох
в безвестность канувших эпох
и ханской дочери любовь
увлёкших за собой.
Фонтанов кружево твоих,
изысканное, словно стих
восточный Низами...
И Каспия седую синь,
и шёпот листвьев на фарси,
душистый, как жасмин.

Баку, Баку,
я не могу
не бредить о ночах
в гирляндах тысячи огней,
что нефти кажутся черней
и терпкими, как чай.
Я слышу, как гудит Хазар,
разноголосый, как базар,
и тюркский говор, и азарт
в полночной чайхане,
где громко народами стучат,
из армуду смакуя чай,
бакинцы при луне.

Но вновь каспийские валы
отсюда до Махачкалы
идут, как в тех стихах,
что мы учили наизусть,
выплёскивая страсть и грусть
из сердца впопыхах.
Поэт, что так был знаменит,
теперь уже почти забыт,
исчезнув в бездне лет....
Но позабыть я не смогу
тебя, гранатовый Баку,
и в сердце по тебе тоску
защёлкну, как браслет.

ПЕТЬ ДЛЯ СВОЕГО НАРОДА – СЧАСТЬЕ

Ее голос волновал всех, пела ли она классические арии или народные песни. Ее таланту рукоплескали в самых больших концертных залах Германии, Албании, Финляндии, Монголии, Китая и других стран. Именно ей посвятил восхищенный Расул Гамзатов свои поэтические строки после концерта на днях декады дагестанского искусства и литературы в Москве:

Как зерном созревший колос,
Вечер песнями богат.
Зал не дышит – льется голос
Баталбековой Исбат.

Выдающаяся оперная певица, народная артистка ДАССР и РСФСР, лауреат Государственной премии, кавалер Ордена Трудового Красного Знамени Исбат Гайдарбековна Баталбекова прожила яркую, насыщенную, ослепительную жизнь. Спустя три года после ее смерти, в день 80-летия, на доме № 6, что по улице У. Буйнакского в Махачкале, была установлена памятная мемориальная доска. Ниже мы публикуем воспоминания певицы. Они были изданы в 1963 году в Дагестанском книжном издательстве.

Родители считали, что я родилась в счастливый день – день начала сбора винограда. В нашем старинном селе Тарки виноград выращивали еще с незапамятных времен.

С детства родители познали горе, нужду, тяжелый труд. Об учебе им не приходилось и мечтать.

Пришло время, и я пошла в школу, а оттуда в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО). Получив специальность прядильщицы, я стала работать с матерью. Нелегким был этот труд. Но, несмотря на это, фабричная жизнь захватила меня. Здесь было много молодежи, и я всей душой потянулась к ней. Меня часто звали в клуб, где были организованы кружки самодеятельности.

В 30-е годы наша семья распалась, отец оставил мать с маленькими детьми, и кроме меня ей помочь было некому. Это было тяжелое время, но, как говорится, свет не без добрых людей. Главный редактор газеты «Ленин елу» Абзагир Батыров близко к сердцу принял горе нашей семьи, я была устроена на курсы машинописи, а затем на работу в Радиокомитет.

Вот тогда-то я познакомилась с народной песней, с настоящими певцами. Никогда не забываю, какое впечатление произвел на меня голос Татама Мурадова. Он поразил меня неиссякаемой энергией, самоотверженной любовью к искусству. Среднего роста, с красивым выразительным лицом, необычайно живой и подтянутый, он был душой коллектива. Меня увлекли народные мелодии, то плавные и певучие, то стремительные, как горный поток. Я очень хотела петь, но не решалась.

Видя мою любовь к музыке, пению, Татам Мурадович сам предложил прослушать меня. Ему понравился мой

голос. Я стала петь в хоре Радиокомитета. Из городов, из селений стали приходить заявки на песни, которые исполняла я, и тогда во мне окрепло решение: раз мои песни приносят людям радость, я должна учиться во что бы то ни стало – учиться петь, чтобы в совершенстве овладеть мастерством исполнения.

Грянула война, муж ушел на фронт, и я осталась с крошечной дочуркой Барият. Мечту об учебе пришлось оставить. Трудно было мне: я плохо понимала русский язык, не знала нотной грамоты. Но и тут мне помогли. Разве можно забыть, как кропотливо и с каким терпением разучивали со мной песни и учили нотной грамоте музыкальные руководители А. Абрамянц и Г. Гасанов!

И вот мое первое выступление на открытой сцене. В зале негде упасть яблоку. В простом ситцевом платье я вышла на сцену, руки и ноги мне не повинуются, не знаю, как нужно держаться на сцене. Зал кажется громадной пастью, готовой проглотить меня. Прозвучало вступление – я запела. Наступила тишина, и когда я кончила петь, зал сотрясался от аплодисментов. Лицо мое горело, на глаза навернулись слезы от волнения, а зал все требовал и требовал меня на сцену. Теперь я не сомневалась: пение – это и есть мое истинное призвание.

В эти суровые годы войны, несмотря ни на какие трудности, я решила поступить в консерваторию. Дагестанское правительство послало меня на учебу в Азербайджанскую государственную консерваторию.

Не забыть мне отеческой заботы и человеческого внимания Петра Федоровича Проскурина – музыкального руководителя радиокомитета. Он ходатайствовал о моем поступлении в консерваторию, присутствовал на приемных экзаменах. В те годы Азербайджанскую высшую музыкальную школу возглавлял народный артист СССР Узеир Гаджибеков.

Профессор, заведующая кафедрой вокального факультета Маргарита Александровна Колотова внимательно прислушивается к незнакомой мелодии. Кумыкские и даргинские народные песни маленькой страны гор заинтересовали ее. Она ласково посмотрела мне в глаза и сказала: «Считайте себя студенткой».

П. Проскурин, узнав о моем зачислении в консерваторию, бросился ко мне, стал жать руки и говорил: «Нет, ты не знаешь, Ислам, какое счастье выпало тебе. Ты, дочь маленького народа, первая из девушек-горянок получишь высшее музыкальное образование».

Начались годы упорной учебы. Было нелегко. Но коллектив поддержал меня: назначили в консерватории секретарем-машинисткой, дочь устроили в ясли.

В годы войны студенты не только учились, но и давали концерты в театрах, на заводах, промыслах, в вузах, школах, госпиталях. За время учебы мы дали более ста концертов.

В 1949 году я была удостоена чести участвовать в первом всесоюзном смотре студентов-вокалистов, посвященном XI съезду комсомола. На концертах в зале Московской консерватории и в зале Дома работников искусства одинаково восторженно были приняты кумыкская народная песня «Бюль- бюль» («Соловей») и

ария Любавы из оперы Римского-Корсакова «Садко». ЦК ВЛКСМ высоко оценил мое мастерство студентки-комсомолки и наградил почетной грамотой.

По окончании консерватории я вернулась на родину и стала солисткой Дагестанской филармонии, началась многообразная музыкальная деятельность.

1950 год был особым. Год тридцатилетия ДАССР стал праздником для всех народов нашей страны. В Москве состоялась декада мастеров искусства Дагестана.

Где бы мы ни выступали – в Колонном зале Дома союзов, в зале имени Чайковского, в Центральном Доме Советской армии и многих других концертных залах – москвичи восторженно встречали нас. В числе мастеров искусства Дагестана я была награждена орденом Трудового Красного Знамени, и мне было присвоено звание заслуженной артистки ДАССР.

В составе советской делегации в 1951 году я была на III Всемирном фестивале молодежи. В Берлине собрались представители 104 стран. Я пела на кумыкском языке, но присутствующие понимали меня, потому что я пела о радости мирного труда, о дружбе и мире.

Высшей наградой для меня в том году явилось присуждение Сталинской премии. Радости моей не было предела, когда прочитала в газете:

«Ислам Багаталбекова – первая горянка Дагестана, отмеченная высокой премией. Имя этой талантливой певицы, обладающей богатыми голосовыми данными и высокой исполнительской культурой, стало известно не только в Дагестане, но и за его пределами...»

Для меня нет высшего счастья, чем счастье петь своему народу. Я получаю много писем из разных концов нашей необъятной Родины.

На месячнике дружбы в Монголии нас встречали как самых дорогих гостей. Много было ярких встреч и знакомств, одно из них особенно запомнилось. На торжественном концерте в Монгольском театре оперы и балета я пела дагестанские песни, а в заключение исполнила на монгольском языке известную песню «Все лучшее посвятим Родине». Зал встретил песню несмолкаемыми овациями.

Такими же яркими и запоминающимися были поездки в Финляндию, Китай. Ежедневно газеты давали сообщения о наших концертах и расценивали их как искусство высокого класса. Возвращаясь из поездок полная новых сил и дерзаний.

Но дорога артиста – это не только успех, интересные поездки и встречи. Необходимо постоянно работать над голосом. Петь просто, благородно и красиво очень трудно. В работе над собой нужны постоянные поиски, внешняя актерская техника. Нужно постоянно обновлять репертуар.

Все это я рассказала для того, чтобы показать, какие широкие возможности открыты перед советскими женщинами. Самое главное – это найти свое призвание, а Родина открывает перед нами все пути и дороги.

Публикацию подготовил Алав АЛИЕВ

Андрей Забожанов. Портрет Ханбиче Хаметовой

Ханбиче Шихрагимовна Хаметова (1938). Народный поэт Дагестана, член Союза писателей СССР, член Правления СП России. Награждена Орденом Дружбы. Редактор детского журнала «Соколенок». В 1964 году вышла в свет её первая книга стихов на лезгинском языке «Узоры дум». За годы творчества издано около сорока сборников стихов и поэм.

Ханбиче ХАМЕТОВА

Хазранский родник

Хазранский родник, я к тебе припадаю
Лицом, опалённым невзгодами лет,
И вижу, как женщина немолодая
Из глуби прозрачной смеётся в ответ.

О, боже, мы с ней как две капли похожи –
Как юность и зрелость, как радость и боль...
Но, может быть, только она помоложе
За плотной завесой воды голубой.

Поменьше печали в глазах лучезарных,
В устах приоткрытых – побольше огня...
Хазранский родник, я тебе благодарна
За то, что ты прежнею помнишь меня.

И пусть мою юность, как лодочку в море,
Однажды теченье твоё унесло,
Но в жизни не раз еще с бурей поспорит
Моё золотое от солнца весло.

И если смогу, расскажу я об этом
В звенящей, как летнее утро, строке.
Хазранский родник, ты хрустальным браслетом
Укрась мне запястье на правой руке.

Чтоб снова пахнуло из прошлого мяты.
Горячим чуреком, парным молоком,
И детство, умчавшееся без возврата,
Как сын, прибежало назад босиком.

Хазранский родник, я опять возвратилась
Послушать твой говор, склоняясь над водой.
А ты, синеокий, скажи мне на милость,
Какие долги не оплачены мной?

Какие ошибки другим не простила,
Позволь мне увидеть в твоей глубине,
Какие обиды в душе затаила,
Как острые камушки пряча на дне?

Хазранский родник, мой кувшин переполнен
И горькой водою, и сладкой как мёд.
И все же ты вновь мне о долге напомни
И доме аульском, где мама живёт.

А я расскажу тебе длинную повесть
О городе яростном, будто река...
И пусть потускнел твой серебряный пояс, –
В нём влаги довольно ещё на века.

Ведь как драгоценные камни сверкают
Холодные капли на пальцах моих,
Хазранский родник, из тебя вытекает
Не только река, но и каждый мой стих.

Не знаю, что в жизни со мною случится,
Но родина, как талисман, от беды
Меня сбережет и позволит напиться
Мне досыта этой студеной воды.

Баллада о травяном чуду

Сноха нахмурилась, как ночь:
– Опять с травой чуду?..
Поморщилась и вышла прочь –
Искать себе еды.

И в тот же миг больной рукой
С крестьянского стола
Свекровь нехитрый ужин свой,
Смутившись, убрала.

И села робко у окна,
С собою говоря:
– Ах, доченька, ты нам мила,
Как красная заря.

Что оживила старый дом
И сына, и меня –
Малыш твой радуется в нём,
Бубенчиком звения.

Он имя деда воскресил
И счастье нам принёс...
...Да, жаль, у бабки мало сил,
Рука болит до слёз.

А раньше я, тебе под стать,
Красавицей была
И до утра могла не спать,
Варила да пекла.

Но сгинул муж мой под Москвой,
И в дом пришла беда –
Тогда единственной едой
Нам стала лебеда.

И поднимала не гулять
Я деточек чуть свет,
А мяту с щавелем искать
На завтрак и обед.

Слезами сдабривая суп,
Однажды зимним днём
Я выменяла на тулуп
Мешочек с ячменём.

Бросая горсточку в котёл,
Я напевала вслух,
Чтоб от моей похлебки шёл
Сытнее хлебный дух:

– Варись, ячменное зерно,
Разбухни от воды,
Ведь мы такой давным-давно
Не видели еды.

Ударит вешняя гроза,
Зазеленеет луг,
Укроп, петрушка и кинза
Появятся вокруг.

Не плачьте, детки, хватит сил
Нам зиму перенесть –
Черешню, сливу и кизил
Мы снова станем есть.

А если нам Аллах пошлёт
Когда-нибудь муки,
Я стану печь вам круглый год
С травою пироги.

Ах, чудо будут те чуду –
Румяны, как заря,
Как наши яблоки в саду
В начале сентября.

Пусть каждый до отвала ест
Тогда стряпню мою,
Пока ему не надоест,
Бай, баюшки-баю...

И опускалась тишина –
Желанная пора,
А горсть ячменного зерна
Варилась до утра.

И дети видели во сне,
В болезненном бреду,
Что наступил конец войне
И полон дом чуду.

С тех пор, невестушка моя,
Прошло немало лет,
А те чуду готовлю я
На завтрак и обед.

Их любит сын и любит внук, –
Приди же – посмотри –
Как солнышко, румяный круг
На скатерти горит.

Перевод с лезгинского
Мариной АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ

Сцену мне подарила

СУДЬБА

Дети Великой Отечественной войны мечтали после победы стать врачами, учителями, а многие девочки – артистками. Мальчики – военными, моряками, летчиками.

Народная артистка России и Дагестана Асият Кумратова тоже мечтала с детства о небе. Она решила летать на самолете и прыгать с парашютом после того, как узнала из фронтовых сводок в газетах о подвиге советских девушек-летчиц, доводивших до ужаса немецких асов, которые называли их «ночными ведьмами».

Юная Асият, вглядываясь в высоту и представляя себя за штурвалом самолета, пела старинные ногайские песни о небе и земле, о храбрых древних воинах-победителях.

Асият Кумратова в этом году отметила свой славный юбилей – 80 лет.

Она родилась перед самой войной в 1941 году в Карачаево-Черкессии, в Ногайском районе, в селении Тохтамыш, которое теперь называют Икон-Халк, в большой семье Кумратовых.

Отец Асият Кумратовой – Сулейман – фронтовик. Ему было 42 года, когда началась Великая Отечественная война. Он воевал в пехоте, был в плену, прошел всю войну, дошел до Берлина и вернулся домой только в 1948 году.

Мама, Муслимат, была рукодельницей, мастерицей, великолепной портнихой и признанной лучшей певуньей в селе. В свободное от работы в колхозе время мама сочиняла и пела детям песни, чтобы папа быстрее вернулся живым и здоровым.

Уже в мирное время в доме Кумратовых часто собирались односельчане и рассказывали интересные легенды о Мамайхане, Насрутдин-хане и о других героях, затягивали песни – дастаны, эпосы, сказы.

Многие произведения, которые потом Асият Кумратова исполняла уже солисткой хора Дагтелерадио «Дагестан», это те самые, что она слышала в детстве, и те, что пела и сочиняла ее мама. От нее Асият и унаследовала сильный и красивый голос и абсолютный музыкальный слух. Из пятерых детей Асият была самой голосистой. Односельчане прозвали ее ласково – соловушкой.

На большую сцену Асият Кумратова попала из кружка художественной самодеятельности, она пела в сельском клубе.

В 1957 году шестнадцатилетнюю Асият взяли на Декаду литературы и искусства в Москву, проводившуюся к четырехсотлетию добровольного присоединения Карабаево-Черкесии к России. Тогда Кумратова получила свою первую почетную грамоту Верховного Совета РСФСР. В том же году она начала исполнять песни на ногайском языке по радио и получила приглашение на работу от ансамбля песни и танца Карабаево-Черкесии. Через несколько лет Асият Кумратова перешла в ансамбль Кабардино-Балкарии, где и произошла судьбоносная встреча с ее мужем, который родом из Дагестана.

Молодая семья переехала в 1960 году в соседний Дагестан и жила в Акушинском районе, а позже супруги перебрались в Махачкалу, скитались по съемным квартирам. Строгий муж запрещал Асият петь... Как говорит Асият Сулеймановна, они с мужем были чашками из разных сервизов. Их брак распался через год, и Асият ушла от мужа с сыном Али.

Молодая певица в 1961 году обратилась к руководству ансамбля песни и танца Дагестана при Даггосфилармонии. После прослушивания ее сразу приняли солисткой хора. С того времени более 17 лет Асият Кумратова проработала в этом коллективе.

Певица второй раз вышла замуж и родила дочку Гульнару.

Вскоре ее пригласили в хор ГТРК «Дагестан», теперь это Дагестанский государственный хор. В этом коллективе Асият Сулеймановна работает по сей день.

Так, к счастью для поклонников творчества Асият Сулеймановны Кумратовой, она стала профессиональной певицей, несмотря на то, что не обучалась ни в музыкальном вузе.

Своим творчеством Кумратова популяризовала ногайскую музыкальную культуру и впервые исполнила на широкую публику песни «Эдиге» XIV века, «Шора Батыр» XVI века, «Казтувган Суюниш Улы» XVII века. Образно говоря, в полноводную реку многонациональной музыкальной культуры Дагестана Асият Кумратова гармонично влилась свежим ручьем со своими ногайскими песнями, которые знала с детства.

В Дагестане Асият Кумратова вот уже более 60 лет поет не только традиционные обрядовые произведения песенного фольклора своего народа, но и современные песни на ногайском, кумыкском, карачаевском и на русском языках. В ее творческом багаже более 500 песен.

Асият Кумратова вспоминает, как после участия в фестивале европейской этнической музыки в Италии в 1981 году она была удостоена звания «Заслуженная артистка Дагестанской АССР».

Писатель Иса Капаев сказал тогда: «Как много может сделать один человек для своего народа! Мало кому известный песенный мир ногайцев благодаря Асият Кумратовой обрел широкое мировое звучание».

В 1987 году она с группой солистов хора ГТРК в составе Академического ансамбля «Лезгинка» принимала участие в гастрольных концертах в 24-х городах ГДР и еще в нескольких странах СЭВ.

В декабре 1994 года Асият Сулеймановне пришла телеграмма из Карабаево-Черкесии с поздравлением со званием народной артистки России. Затем в Госсовете Республики Дагестан, в наградном отделе, ей сообщили, что нужно ехать в Москву получать звание.

В Георгиевском зале Кремля Асият Кумратова получила высокое звание народной артистки России вместе с актерами Риммой Марковой, Владимиром Этушем, комментатором Николаем Озеровым, выдающимися спортсменами и военными. Вручал им награды бывший президент России Борис Ельцин.

В своем выступлении Кумратова сказала, что Россия сможет стать великой державой, если сохранит единство между народами, и спела один куплет из ногайского эпоса. Ельцин стоял рядом потрясенный, потому что в этих стенах впервые прозвучала песня.

Пела Асият Кумратова чаще для простых ногайцев – комбайнеров, хлеборобов, животноводов. Она ездила с концертами в самые отдаленные уголки Дагестана и всего Северного Кавказа.

У Асият Сулеймановны много настоящих друзей, и не только из числа ее коллег, немало и преданных почитателей таланта артистки. Ее дом – полная чаша, где царят любовь, гармония и благополучие.

Невзирая на годы, она осталась такой же статной и красивой, такой же молодой девушкой в душе, как на том портрете, что висит в прихожей ее небольшой, уютной квартиры. Большие красивые черные миндалевидные глаза на молодом, слегка улыбающемся лице с грустинкой смотрят с портрета открыто и прямо ...

Асият Сулеймановна Кумратова посвятила себя служению любимой профессии, своему народу, Дагестану и всей нашей большой стране – России.

ВИОЛЕТТА РАТЕНКОВА

Умурахил Шапиева (1924–2000) – даргинская писательница. Родилась в селении Аймаумахи Сергокалинского района ДАССР. Работала редактором даргинского выпуска журнала «Женщина Дагестана». Первая книга рассказов У. Шапиевой «С любовью сердца» вышла на даргинском языке в Дагестанском книжном издательстве в 1963 году. В последующие годы в дагестанских издательствах вышли другие повести и романы У. Шапиевой. За роман «Филлоксера» У. Шапиева в 1998 году была удостоена Государственной премии Республики Дагестан.

Умурахил ШАПИЕВА

«Сердце земли»

(Отрывок из романа)

Почему эта всем известная гора называется Шахри-Мирза, Марьям впервые услышала от учителя истории. Было ей тогда лет тридцать, но рассказ о судьбе влюбленных настолько взволновал ее, что помнила она его слово в слово. Учитель говорил тихим голосом, но так, словно был очевидцем. Временами голос его даже дрожал, и Марьям обмидала в ожидании развязки. А перед глазами все стояла спускающаяся к прозрачному роднику с высоким медным кувшином на плече Шахри: летящая походка, красивый наряд, серебряные бусы на белоснежной шее...

Рассказывал он лишь однажды. Позднее, сколько бы они, мальчишки и девчонки, ни просили повторить, учитель в ответ только улыбался и смущенно пожимал плечами: видно, слишком близко к сердцу принимал он эту историю, чтобы возвращаться к ней снова и снова...

...Шахри выросла в крестьянской семье. Родители в девочке души не чаяли. Была она на редкость красивая, белолицая, краснощекая, что тебе яблочко, созревшее на солнечной стороне. Яркий румянец не сходил с ее лица.

Когда Шахри подросла, мать, пуще всего боявшаяся с глазу, запретила ей бегать с подружками. Девушка одна в ранний час спускалась с кувшином к роднику. Она не могла оторвать глаз от восходящего солнца, от золотящихся под его первыми лучами каменных утесов, горных вершин, с нежностью вслушивалась в тихое журчание хрустальной воды.

Но как только раздавалось блеяние овец, Шахри хватала кувшин и летящей походкой устремлялась прочь, не в силах унять сердце. Боялась, что молодой пастух Мирза увидит ее сияющие влюбленные глаза.

Однажды настал день, когда мать лишила девушку и этой радости, решив выдать замуж за нелюбимого.

Шахри теперь и к роднику не пускали, готовились к свадьбе. А девушка видела перед собой только

Мирзу. В бешмете из домотканой шерсти, туго обхватывавшем талию, и в неизменной белоснежной папахе со свисающими сосульками ягнячьей шерсти. На ногах простые чарыки. Из-под прямых бровей на нее устремлены черные глаза, в них алмазные искры. Эти глаза встречали и провожали ее каждое утро. А как он играл на свирели!

И брызжущие лучи утреннего солнца, и тихо звенящий родничок, и глаза любимого наполняли ее душу такой радостью, что хотелось петь. Но разве могла девушка позволить себе петь во весь голос, так, чтоб услышал ее голос любимый?

И все-таки Шахри вымолила у матери разрешение в последний раз сходить к роднику. Мать позволила ей это, видя, как печальна дочь.

Любаясь красавицей дочерью, ее длинными косами, спускавшимися до колен, мать думала про себя: «Ничего,стерпится – слюбится. Примирайся с судьбой. Чем хуже ее жених любого из аульских парней? Станет верной и послушной женой своему мужу, как была до сих пор верной и послушной дочерью».

Шахри, набирая воду в кувшин, не торопилась убирать его из-под струи. Заливаясь слезами, она подставляла под нее руку; то набирала полную ладонь, то просто перекрывала струю. И шепотом изливалась роднику свое горе: «Что мне делать? Узнала я, что такое любовь, и как теперь жить мне без нее? Как повернуться лицом к нелюбимому, который смотрит на меня, точно коршун на добычу? Горы мои родные, солнце мое золотое, помогите. Продают меня за богатство. О Мирзе и слышать не хотят, беден он, всего-навсего пастух. Но в чем же вина его?..»

Поставив полный кувшин рядом с родником, Шахри повернулась к самой высокой горной вершине, ее раньше других ласкали лучи восходящего солнца. Она мысленно прощалась с любимым, с которым не успела и словом обмолвиться, которого и рукой не коснулась. И вдруг побежала, приподняв с обеих сторон платье, чтоб не намокло от утренней росы. Вскоре она уже была у подножия горы. Стала взбираться. Ей хотелось достичь этой вершины, оттуда рукой подать до звезд. Вдруг всемогущий Аллах смилиостивится над ней, превратит ее в звезду, тогда она каждый день сможет видеть любимого, слушать мелодии его души...

Не понимая, что происходит с девушкой, с тревогой в сердце следил за ней пастух, пока не исчезла она из виду. Ждал, что она вот-вот вернется. Ведь кувшин стоял у родника. Но девушка не появлялась. И Мирза, бросив ягнят, пустился за ней.

Гора была изрыта множеством селевых потоков и испещрена таким же множеством тропинок. Какую из них выбрала Шахри, пастух не мог разгадать. И остановился на самой крутой. Тропа не поддавалась, сопротивлялась ему, он становился на четвереньки и упорно лез в гору. Хватался за каждый кустик, за каждый выступ, за каждый камень. Малейший шорох заставлял его вздрогивать, думать о том, что где-то здесь, за каким-то из камней, притаилась Шахри и вот

сейчас даст о себе знать. Может, она нарочно выставляет на дороге камни, чтобы ему легче было идти?

Мирза упрямо поднимался вверх, то и дело оскальзываясь и падая. Когда он достиг вершины горы, солнце поднялось уже высоко. Дух захватывало от этой высоты, здесь гулял ветер и величаво парили орлы. Мирза решил поиграть на свирели, может, Шахри откликнется? Но разволновался и закричал:

– Шахри, где ты? Отзовись! Я пришел за тобой!.. В ответ он услышал только: ой-ой-ой. Уже не помня себя, повторял одно и то же, и каждый раз гора возвращала его же слова.

Мирза испугался. Его била дрожь. Вдруг у самого обрыва на одном из кустов он увидел белый гулмэнди – тонкий шелковый платок. И похолодел от ужаса: девушка бросилась в пропасть. Схватил гулмэнди и, закрыв им лицо, бросился вслед за любимой. Летел в пропасть, как птица с подрезанными крыльями.

С тех самых пор и стали называть эту гору Шахри-Мирза...

Закончив рассказ, Марьям перевела дыхание, совсем как учитель когда-то. От нее не ускользнуло, что грустная история влюбленных не произвела впечатления ни на детей, ни на мужа. Может, не умела она говорить столь проникновенно, находить доходящие до каждой души слова, как это умел их старый учитель. Ведь она помнит, как переживала за судьбу юных влюбленных, несколько дней ходила сама не своя, даже ночами просыпалась с мыслью о них.

Кажется, теперешних детей подобными рассказами не удивишь.

– Похоже на сказку. Да так оно и есть, – только и сказала дочь.

Сын-четвероклассник, даже не дожидаясь вопросов матери, заявил:

– Выдумки это. Чего только не придумают!

А ее второклассник выразился и того хлеще:

– Дурак этот Мирза. Из-за какой-то девчонки в пропасть бросился.

Тогда Марьям обратилась к мужу:

– А ты чего молчишь? Тоже так думаешь? Ильяс, лежавший с прикрытыми глазами, открыл их, посмотрел с улыбкой на жену и сказал:

– Я думаю не об этом, а о том, что если не отделюсь в оставшемся улье, то он тоже сорвется с места.

«И он слушал меня вполуха, – с грустью подумала Марьям. – Или вовсе не слушал. У него только пчелы на уме». А вслух сказала:

– Может, все-таки не пойдешь искать пчел? Оставил бы ты эту затею. Известно ведь, какие они злые, когда вырываются на волю. Не дай бог, набросятся и начнут жалить. Да что я тебя учу, и сам не хуже меня знаешь.

– Из всех живых существ, – сказал полууштя-полусерьезно Ильяс, – только пчелы погибают, вонзив в кого-нибудь жало. Вот бы так было с людьми, которые отправляют жизнь другим. Ужалил – погибай! Сразу бы все научились жить в мире да согласии.

Перевод с даргинского М. Даировой.

Зумруд Гаджи-Курбановна Ханмагомедова (1915–2001) – первая табасаранка, получившая высшее образование, а также первая табасаранская поэтесса. Правнучка крупнейшего учёного-историка, просветителя дореволюционного Дагестана Гасана Алкадари.

Зумруд ХАНМАГОМЕДОВА

Кружево лучей

Если б только вязать я могла,
Из лучей кружева бы ткала,
Чтобы солнце на женских плечах
Засияло, как тёплый очаг.

Спряла я бы из облака нить,
Чтобы светлой судьбой одарить
Наших девушек – пусть никогда
Их сердец не коснётся беда.

Ярких звёзд золотую пыльцу,
Что так юным невестам к лицу,
Тёмной ночью бы я собрала,
Чтоб любовь их не ведала зла.

Попросила бы я у небес,
Чтоб земли нашей недуг исчез...
День и ночь я ткала бы платок,
Чтоб мой труд исцелить её смог.

Соловей

В цветущем саду твоя песня слышна,
Как добрая весть, что настала весна!
С надеждой стою у раскрытых дверей,
Мечтая увидеть тебя, соловей!

Чудесной весны благодать я люблю
И трепетно сладкие трели ловлю.
Ашуг, убирай свой чунгур поскорей –
Никто не сравнится с тобой, соловей!

Тебя обо многом не смею просить,
Одну лишь мне песню прошу посвятить,
Чтоб нежный твой щебет средь грубых ветвей
До самой души долетел, соловей.

Сгоревшему сердцу несчастной Зумруд
Позволь насладиться им пару минут.
Хоть лет уже кануло столько и дней,
Судьба неизменна моя, соловей!

*Перевод с табасаранского
Мариной Ахмовой-Колюбакиной*

С фотографии, любимый, нежно смотришь мне в глаза ты –
Как живой, и слёз горюющих удержать я не могу.

В грозной битве за отчизну жизнь отдавшего солдата
Образ светлый, незабвенный вечно в сердце берегу.

Раны старые с годами открываются порою,
Но бывает – непрестанно рана свежая болит.
Если молодость теряет всё, что ей дано судьбою,
То ничто на белом свете эту боль не исцелит.

Пережив весну и осень, холод старости встречая,
Саду зимнему не нужно понапрасну расцветать.
Жить минувшим бесполезно и, в былое возвращаясь,
Невозможного желая, жизнь не стоит искушать.

Отгримят над миром грозы, встанет радуга над полем –
Разве можно радость жизни нам изведать без утрат?
На твоё, любимый, фото я смотрю теперь без боли –
Память радугой весенней освещает мой закат.

В дни, когда несёшь по жизни ты любви святое бремя,
Сердце пламенем пылает, виден смысл в твоей судьбе.
А когда большому чувству догореть приходит время,
Ты к Всевышнему взываешь, чтобы Он помог тебе...

Дерево, что я взрастила, не давало урожая,
И срубил его садовник беспощадным топором.
Сердце горестно рыдало, от тоски изнемогая,
Только дерево упало без надежды на добро.

Ветки с дерева срубили, стан цветущий раскололи,
И надежду на спасенье истребили у него.
В жарком пламени полено тяжко корчилось от боли,
В печке дерево сгорело, не осталось ничего.

О, садовник неразумный, что наделал ты, жестокий?!
Много лет ведь украшало это дерево твой сад!
Нынче дерево сгорело, ты остался одиноким,
И теперь уж невозможно ничего вернуть назад.

Перевод с табасаранского Ивана ГОЛУБНИЧЕГО

В шумной, многолюдной Москве, недалеко от Белорусского вокзала, находится творческая мастерская Клары Власовой, коренной москвички, которая считает себя и дагестанкой, художницы с мировым именем, заслуженного художника РФ, члена Союза художников СССР, участницы более ста выставок. Художника, чьи работы хранятся в самых престижных музеях мира и частных коллекциях в России и за рубежом, в том числе в Японии, Чехословакии, Германии, Франции, США, Италии.

Родилась художница в 1926 году. Училась в Московской художественной школе для особо одаренных детей. Окончила Московский государственный институт имени Сурикова. Клара Власова – заслуженный художник Москвы, кавалер ордена «Знак Почета», заслуженный художник Дагестана.

Дорога в Чох Клары Власовой

Из окон коммунальной квартиры, где жила маленькая Клара, были хорошо видны кремлевские башни. Их-то она и рисовала в детстве. Вообще, кисть – это тот предмет, который сопровождает ее по жизни. Художнице порою кажется, что она родилась с кисточкой в руках.

– Много, очень много тысяч кисточек я перевела, – вспоминает Власова. – Обычно они стоят у меня в мастерской в большой вазе, как букет цветов. Кто-то однажды пошутил, что получился бы уникальный натюрморт.

В детстве я увлекалась фехтованиями, занимала призовые места, меня даже уговаривали поступить в институт физкультуры, но я предпочла изобразительное искусство и нисколько об этом не жалею...

В ее большой мастерской хранится более тысячи картин, но находиться в ней могут не более трех человек. Большую часть пространства занимают работы, посвященные Дагестану.

– Я знаю время, место рождения и номер полки прописки каждой картины в моей мастерской. Могу найти любую, – с гордостью рас-

сказывает Клара Филипповна. – Благодаря искусству я полюбила Дагестан всем сердцем и стала частью его. В мире много прекрасного, но Дагестан стал для меня по-настоящему родным домом. Я разрываюсь между Москвой и Дагестаном. Дагестан – красивейший, живописнейший регион с очень добрыми, открытыми, интеллигентными и талантливыми людьми.

Дагестан и дагестанцев мне открыл мой незабвенный, ныне покойный супруг и коллега Омар Ефимов. Я люблю и знаю еще тот Дагестан, послевоенный, и Дагестан второй

Женщина Дагестана

5/2021

На русском языке

Учредитель:

Министерство информации и печати
Республики Дагестан.

Главный редактор
Н. М. КЕРИМОВА

e-mail: J-dag@mail.ru

Редакционная коллегия:
заместитель главного редактора

А. Ю. АБДУРАХМАНОВА,
e-mail: delia25@mail.ru

ответственный секретарь

С. Х. БУЛГАЕВА

редактор русского выпуска

Г. Х. АСАДУЛАЕВА

редактор аварского выпуска

Б. Ш. МУХИДИНОВА

bahu4y@mail.ru

редактор даргинского выпуска

П. Г. ВАГИДОВА

редактор кумыкского выпуска

П. Х. ХАЙБУЛЛАЕВА

редактор лезгинского выпуска

Н. Н. ИБРАГИМОВА

e-mail: shikhnabieva1981@mail.ru

редактор лакского выпуска

З. Т. АБДУРАХМАНОВА

редактор табасаранского выпуска

С. М. ИСРАФИЛОВА

Корреспонденты:

Э. ИБРАГИМОВА,

А. ТАЖУДИНОВА,

В. РАТЕНКОВА.

Заведующий редакцией

С. М. ГАМЗАТОВА

Художественный редактор

Г. А. КУРБАН-АДАМОВА,

e-mail: guleymat@mail.ru

Адрес редакции и издателя:

367018, Республика Дагестан,

г. Махачкала, пр-т Насруллина, 1а.

e-mail: j-dag@mail.ru

Журнал отпечатан в типографии:

ГАУ РД Издательский дом «Дагестан».

Телефоны редакции:

65-00-36, 65-00-37, 65-00-39, 65-00-40.

Официальный сайт журнала «Женщина Дагестана»: женщинадагестана.рф

Сдано в набор 17.08.2021.

Подписано в печать 14.09.2021.

Формат бумаги 60 x 841/8.

Объем: 5,5 печ. л.

Заказ № 0909. Тираж (3368) 587 экз.

Журнал для семейного чтения. Издается с 1957 г. Выходит на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, русском, табасаранском языках один раз в два месяца.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ05-00429 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

На обложках:

I, IV – «Навстречу солнцу» Г. Курбан-Адамова;

II – первый женский журнал в Дагестане «Красная Горянка»;

III – Работы художника К. Власовой.

половины XX века, из которого вышел целый сонм талантливейших писателей, поэтов, композиторов, хореографов, художников, воспевших наш горный край в своих произведениях, ведь каждое село в Дагестане имеет свою историю, традиции, песни и танцы, манеры, свое уникальное одеяние.

Клара Филипповна с планшетом за спиной объездила весь Дагестан. Плодами восторженной любви к нашей республике и многочисленных поездок стали картины, посвященные Дагестану: «Балхарские мастера», «Курушские ковровщицы», «Чохские женихи», «Дагестанские девушки», «Расул Гамзатов», «Дорога в Чох», «Праздничный день в Дагестане», «Мой дом в Чохе», «Автопортрет с дагестанскими украшениями» (эта картина была приобретена Третьяковской галереей).

Живопись Клары Власовой – яркая, солнечная, жизнерадостная, как и сама художница, носительница лучших традиций русского реалистического изобразительного искусства. Достойная выпускница Суриковского института (ныне университета), ученица блистательного Сергея Герасимова.

Годы не властны над жизнью и творчеством Клары Власовой. Этую неиссякаемую жизненную энергию и вдохновение она черпает на дагестанской земле, ставшей ей родной.

– Больше всего я была потрясена величавостью Чоха, да так, что приобрела там даже домик – станицу саклю с древнейшими надписями и рисунками на стене, расписанную неизвестным дагестанским «Пиромани». – делится Клара Филипповна.

Мы с мужем отремонтировали саклю, поменяли крышу и каждый год приезжали в Дагестан, – делится Клара Филипповна.

Здесь у Клары Власовой много близких людей. В Махачкале живут давние друзья – Камиль и Фатима Чутуевы, в Каспийске – добрая подруга, дагестанская чеченка Роза Далягатова, а в Чохе – все чохцы, которых художница давно считает родней. Да и они по сей день отзываются взаимностью.

– Правда, одному бравому чохцу, который, уже после смерти мужа, предложил мне руку и сердце, я отказалась, ибо это никак не входило в мои личные и творческие планы, – смеется наша героиня.

Дагестан в сердце Клары Филипповны поселился основательно. Клара Власова вспомнила, что, когда работала во французских Альпах, восхищенно сказала: «Прям как в Дагестане», а знаменитый скульптор Вадим Шелов посмотрел на нее с ухмылкой. В очередной своей поездке в Дагестан она встретила Шелова в горах, и тогда он согласился: «Ты права была, Клара. Дагестан фантастичен!»

Несмотря на преклонный возраст – 95 лет, она не только бережно хранит богатство, чистоту, доброту и теплоту человеческих отношений, но и отражает это в своих живописных работах. Те, кто не был в Дагестане, по ее живым, ярким картинам не только могут ознакомиться с ним, но и так же, как художница, полюбить величественную Страну гор.

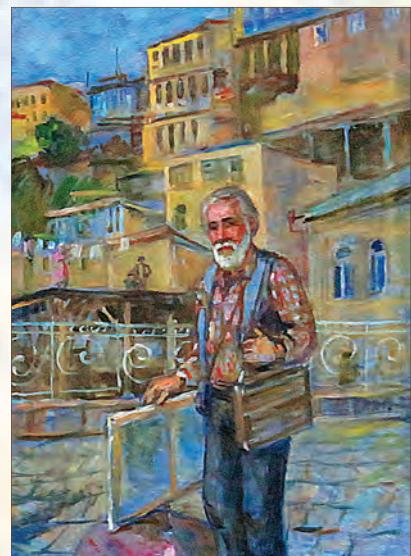
По словам неутомимой Клары Филипповны, гены дагестанского долголетия передались ей с парным молоком высокогорных коров, чистейшим воздухом изумрудных террасных лугов, с бурлящей пеной Седого Каспия.

– Я не достигла всего, о чем мечтала, но я до сих пор стремлюсь к своей вершине. И если бы знала, что, умерев, смогу попасть в такое место, где можно рисовать, я бы не грустила о близком конце жизни, – вздыхает Клара Филипповна.

Во время своих юбилейных торжеств она два часа стояла на высоких каблуках и в завершение поблагодарила гостей и пригласила всех прийти через пять лет на ее следующую юбилейную выставку в честь 100-летия со дня рождения!

Искусство Клары Филипповны Власовой – с печатью вечности – во времени, над временем и вне времени! Ее выставки как манифест величия Дагестана и любви к нему!

ВИОЛЕТТА РАТЕНКОВА

ИНДЕКС ПМ795

6+

